

Научное сетевое издание

Теология

Философия

Право

#2 (16) 2021

Scientific Edition
Theology. Philosophy. Law

www.theophil.ru

18+

Рецензируемое научное издание

ТЕОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ. ПРАВО / THEOLOGY. PHILOSOPHY. LAW.

№ 2 (16) ОТ 30.12.2021

Главный редактор

А.М. Иванов (Владивосток)

Редакционная коллегия

А.В. Алексеев (Москва), О.А. Дмитриева (Волгоград), Р.И. Зекрист (Уфа),
А. А. Иванов (Тольятти), С. В. Каменев (Владивосток), С. В. Шопин (Саратов)

*Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций как сетевое издание.
Свидетельство о регистрации Эл № ФС77-66963 от 25.08.2016 г.*

Учредитель и издатель

Алексеев Алексей Викторович

Периодичность - 1 раз в полугодие

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)

Материалы статей публикуются в авторской редакции.

*Авторы несут полную ответственность за подбор и грамотное изложение фактов,
содержащихся в статьях; высказываемые ими взгляды не обязательно совпадают со взглядами
редакции.*

При перепечатке и использовании материалов статей ссылка обязательна.

Электронная почта редакции: **feophil@gmail.com**

Номер телефона редакции: + 7 (985) 7217699

Адрес в сети интернет: **www.theophil.ru**

ISSN 2541-8947 (On-line)

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

Слово к читателю.....	4
-----------------------	---

СТАТЬИ / ARTICLES

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / THEOLOGICAL RESEARCH

Алексеев А.В. Восприятие права и попытки его переосмысления в философско-правовой и теологической мысли	11
---	----

ФИЛОСОФСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / PHILOSOPHICAL RESEARCH

Коромыслов В.В. Проблема объективно-всеобщего в философии экзистенциализма	22
Лихачева О.Н., Ибрагимова А.В. Логико-философский аспект антонимии	33
Лихачева О.Н., Ибрагимова А.В. Взаимодействие философских и лингвистических категорий на примере антонимических противопоставлений	44

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / LEGAL RESEARCH

Паращук К.В. Судебная реформа в России: результаты и перспективы	51
Исмаилов Д.А., Мурузиди А.В. Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции	61
Неверов А.Я., Колесникова Я.А. Самозащита как одна из форм защиты гражданских прав и интересов	70
Васильева Т.В. Институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в российском уголовном праве	78
Гаврилова А.Е. Убийство при отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации	88
Полонкоева Ф.Я., Мужухоева Х.В., Актуальные проблемы назначения наказаний за незаконную банковскую деятельность	98
Герасименко А.А., Иванов А.М. История формирования и развития института государственных закупок в России и за рубежом: сравнительно-правовой аспект	108

Слово к читателю

В настоящем номере хотя и представлены все рубрики журнала, обозначенные в его названии, но в количественном отношении исследований в области права оказалось больше.

В разделе «Теологические исследования» помещена работа, выполненная на стыке теологии, философии и права, **«Восприятие права и попытки его переосмысления в философско-правовой и теологической мысли»** (А.В. Алексеев, Москва). Автор обнаружил, что особенностью философско-правовой и теологической мысли в понимании права является стремление к целостности его восприятия. Но не все попытки такого стремления могут быть успешны. Синтез рационального и трансцендентного восприятия, интуитивно-психологический подход, когда право переживается и чувствуется, являются лишь одним из методов на пути к постижению права.

Раздел «Философские исследования» открывают размышления В.В. Коромыслова (Пермь) на тему **«Проблема объективно-всеобщего в философии экзистенциализма»**. В статье анализируются особенности понимания проблемы объективно-всеобщего в экзистенциализме. Показывается, что, несмотря на то, что у авторов этого направления существуют установки на игнорирование этой проблемы, им не удаётся этого сделать в полной мере. В то же время, отсутствие в их философии серьёзного анализа объективно-всеобщего приводит их к недопониманию глубинной сути и причин поставленных ими проблем и закономерно склоняет их к выводам о трагичности, абсурдности и бессмысленности человеческого существования, о чуждости для человека внешнего ему мира и о внутреннем одиночестве личности, оказывающейся противопоставленной обществу. Такая замкнутость собственной конечной жизнью разрушает всякие перспективы развития общества в конструктивном ключе.

Следующие две работы этого раздела, представленные исследователями из Краснодара (О.Н. Лихачева и А.В. Ибрагимов) касаются осмысления сути антонимии, противопоставлений. Первая работа, **«Логико-философский**

аспект антонимии», рассматривает философскую категорию противоположности и ее особенности при наложении на лингвистический феномен. Существование антонимии в языке не вызывает сомнения, однако причины ее возникновения и функционирования не всегда являются ясными. Будучи языковой универсалией, антонимия предполагает противоположность, которая, в свою очередь, есть категория логико-философская. Занимаясь вопросами антонимии, авторы исследования посчитали целесообразным рассмотреть ее логико-философский аспект, что, по их представлению, будет способствовать более полному пониманию антонимии в лингвистике. В работе приводятся примеры в сопоставительном ключе двух языков, русского и английского, рассматриваются их сходства и различия, а также возможное некачественное восприятие указанного антонимического феномена при обучении иностранным языкам на современном этапе. Знакомство с результатами исследования дает возможность читателю заметить связь философских категорий и лингвистики более ярко, что позволяет более качественно воспринимать реалии и эффективно их использовать в академических целях.

Вторая работа этих авторов, **«Взаимодействие философских и лингвистических категорий на примере антонимических противопоставлений»**, по сути, является продолжением первой. Поэтому читателю размышления об антонимии, как о явлении, наблюдаемом в различных языках и на различных уровнях языковой системы, становятся еще более доступными. Противопоставления играют важную роль в речемыслительной деятельности, поскольку являются основным выразительным средством создания контраста. Причиной антонимии в языке является противоположность, заложенная в самом характере человеческого мышления и окружающей действительности. Хотя с формальной точки зрения противоположные понятия несовместимы, исключают друг друга, диалектическая природа их такова, что они не могут не предполагать друг друга, пронизывают друг друга, не существуют друг без друга. В этом смысле внутреннюю сущность

противоположности можно раскрыть как оценку одного и того же, одной сущности, заключают авторы.

В разделе «Юридические исследования» в этом номере присутствует разнообразный материал на актуальные темы. Так, например, интересно посмотреть «со стороны» на происходящую в стране реформу судебной системы. К.В.Паращук (Донской государственный технический университет) в работе **«Судебная реформа в России: результаты и перспективы»** проводит анализ реформы и ее последствий. Автор выделяет основные этапы судебной реформы, дает им оценку, определяя основные достижения и проблемы, существующие в сфере судебной власти, требующие дальнейших решений. Среди очевидных успехов отмечены: рост эффективности рассмотрения судебных споров; внедрение современных информационных технологий, облегчающих и упрощающих обращение к судебным ресурсам; появление отдельных апелляционных и кассационных судов, ставших дополнительной гарантией права на обжалование судебных решений и др. Среди преград на пути к построению справедливой, беспристрастной и независимой судебной власти автор выделяет: непрозрачный процесс прохождения кандидатур судей через Кадровую комиссию при Президенте РФ; недостаточная реализация принципа состязательности сторон и др. По мнению исследователя, наличие недостатков подтверждается и общественными настроениями - низким уровнем доверия граждан к деятельности судов. Однако в настоящее время имеются конкретные проекты различных организаций по решению существующих проблем, проведению дальнейших реформ судебной системы в России, что вполне обнадеживает.

В качестве одной из граней реформ судебной системы можно рассматривать внедрение медиации. Этой проблеме посвятили свою работу, **«Применение медиации в деятельности участковых уполномоченных полиции»**, Д.А. Исмаилов и А.В. Мурузиди (Тольятти). Медиация в настоящее время применяется зачастую только в гражданско-правовой сфере, а также для урегулирования конфликтных ситуаций между несовершеннолетними. Авторы

предлагают обратить внимание на более широкое применение медиации в уголовном процессе, что можно рассматривать не как альтернативу уголовному наказанию, а как дополнительную возможность государства защитить права и свободы конкретной личности. В ряде случаев, жертва и подозреваемый имеют желание примириться друг с другом и договориться, но действующий закон не позволяет это сделать без возбуждения уголовного дела и направления его в суд. В качестве вывода звучит мысль о необходимости более широкого развития института медиации в России.

Проявление проблемы реформы судебной системы можно усмотреть и в работе **«Самозащита как одна из форм защиты гражданских прав и интересов»** (Неверов А.Я., Колесникова Я.А., Курган). Исследователи рассматривают основные аспекты самозащиты как одной из форм защиты гражданских прав и интересов. Сегодня тема самозащиты гражданских прав является достаточно актуальной, что обусловлено рядом причин, которым авторы уделяют особое внимание в работе. Для обеспечения физических лиц правом на применение самозащиты следует разобраться в том, какова же юридическая природа самозащиты гражданских прав? Однако, на этом пути возникают определенные сложности: нет юридически закрепленной формулировки понятия «самозащита гражданских прав»; не существует конкретного ограничительного перечня способов самозащиты, то есть на сегодняшний день они неизвестны действующей правовой системе и могут найти свое выражение с дальнейшим развитием права, в противовес ряду других стран, где самозащита строго ограничена и осуществляется только в случаях, предусмотренных законодательными актами этих территорий.

Несколько необычной может показаться для читателя тема **«Институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией в российском уголовном праве»** (Васильева Т.В., Калуга). В статье анализируется законодательная характеристика такого вида освобождения от отбывания наказания как отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК

РФ). Данный вид отсрочки отбывания наказания применим только при наличии определенных условий, указанных в законе, к лицам, имеющим подтвержденный диагноз «наркомания». Отсрочка отбывания наказания имеет целью стимулирование наркозависимых лиц к добровольному лечению от наркомании. Принципы гуманизма и экономии уголовной репрессии находят свое отражение в институте освобождения от наказания, существующем в российском уголовном праве. Уголовный закон допускает отмену отсрочки отбывания наказания лицу, признанному больным наркоманией, и направление осужденного для реального отбывания лишения свободы в случае несоблюдения условий отсрочки. Автор исследования полагает, что институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией нуждается в дальнейшем совершенствовании, что, в свою очередь, будет способствовать более широкому его внедрению в судебную практику.

Следующие две статьи данного раздела затрагивают проблемы квалификации преступлений. А.Е. Гаврилова (Хабаровск), в работе **«Убийство при отягчающих обстоятельствах: уголовно-правовой анализ и проблемы квалификации»** исследует проблемы правильности квалификации содеянного для назначения справедливого наказания виновному в убийстве с отягчающими обстоятельствами. Выводы сводятся к тому, что при назначении наказания необходимо учитывать характер общественной опасности совершенного преступления, который предопределяется также и количеством вмененных квалифицирующих признаков. Резюмируя, исследователь заключает, что степень влияния на размер или срок наказания у квалифицирующего признака более высокая по сравнению с отягчающим наказанием обстоятельством. Отсюда, при назначении наказания должны учитываться следующие моменты: чем больше в обвинении имеется квалифицирующих признаков, тем больше размер, срок назначенного наказания должны стремиться к верхней границе наказания; должен учитываться характер общественной опасности совершенного преступления; степень влияния на размер или срок наказания у

квалифицирующего признака более высокая по сравнению с отягчающим наказанием обстоятельством.

Весьма интересным является тема исследования **«Актуальные проблемы назначения наказаний за незаконную банковскую деятельность»** (Полонкочева Ф.Я., Мужухоева Х.В., Ингушский государственный университет). Авторы отмечают, что в последние годы увеличилось количество преступлений, связанных с банковской деятельностью. Анализ существующей судебной практики показывает, что следственные органы иногда квалифицируют поведение человека как незаконную банковскую деятельность, то есть как уголовное преступление по статье 172 Уголовного кодекса, даже если преступность его деяния вызывает сомнения. Такая спешка с признанием правонарушения преступлением во многом объясняется тем, что следственные органы не всегда хорошо понимают, какие сложности финансовые преступления влекут за собой. Одним из неблагоприятных последствий неверной квалификации деяния для государства становится бегство капитала за границу. Считается даже, что использование офшорных юрисдикций возникло как реакция на недостатки российской правовой системы. По мнению авторов, основной причиной трудностей с квалификацией деяния по статье 172 УК РФ является отсутствие четкой законодательной концепции, между тем, цена ошибки в этом случае слишком высока, поскольку к уголовной ответственности привлекается лицо, которое может не быть субъектом преступления.

В заключение раздела помещено краткое сравнительно-правовое исследование **«История формирования и развития института государственных закупок в России и за рубежом: сравнительно-правовой аспект»** (Герасименко А.А., Иванов А.М., Владивосток). В данной статье исследуется история формирования и развития института государственных закупок в группе стран романо-германской и англо-саксонской правовой семьи – России и Германии, США и Великобритании с целью выявления отправной точки развития исследуемого института, особенностей и схожих черт его становления. Объектом исследования выступают общественные отношения в

сфере государственных закупок. Предметом – правовые памятники, действующее законодательство, регулирующее институт закупок, а также научные исследования в данной области. Новизна настоящего исследования состоит в выявлении общих и особенных черт развития института закупок в странах разных правовых семей. В ходе краткого исследования выявлено, что элементы контрактной системы во всех рассматриваемых странах начали складываться в феодальные времена. В Германии данная система изначально предназначалась для строительства, в США – для обеспечения нужд армии, в Великобритании – нужд «короны», а в России – продовольственных нужд народа. С учетом мировых глобализационных и интеграционных процессов институт государственных закупок в большинстве стран стал регулироваться не только национальным, но и международным законодательством, что говорит о его прогрессивном развитии, тенденциях следования основополагающим принципам – открытость, равноправие, справедливость, эффективность, свобода.

И, наконец, как всегда, приглашаем к научно-просветительской деятельности всех исследователей, кому близка тематика журнала.

УДК 348.5

ГРНТИ 21.41.45

**ВОСПРИЯТИЕ ПРАВА И ПОПЫТКИ ЕГО ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ
В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Алексеев Алексей Викторович

магистр права, теолог,

Россия, г. Москва

SPIN-код РИНЦ: 9614-8834

ORCID: 0000-0002-0739-9048

tender6766@gmail.com

**PERCEPTION OF LAW AND ATTEMPTS OF ITS REVIEW
IN PHILOSOPHICAL LEGAL AND THEOLOGICAL THOUGHT**

Aleksey V. Alekseev

Master of Laws, theologian

Russia, Moscow.

АННОТАЦИЯ

Особенностью философско-правовой и теологической мысли в понимании права является стремление к целостности его восприятия. Но не все попытки такого стремления могут быть успешны. Синтез рационального и трансцендентного восприятия, интуитивно-психологический подход, когда право переживается и чувствуется, являются лишь одним из методов на пути к постижению права. Значительную часть настоящего исследования составили

труды философов права, религиозных философов, богословов. Используемая в работе методология опирается на комплексный историко-философский анализ источников и литературы, который позволил выяснить особенности философско-правовых концепций мыслителей и правоведов, так или иначе связанных с Православием. Критический подход к современным трудам позволил оценить потенциал отечественной мысли, так и проблемы её развития. Вместе с тем, методологическую основу исследования составили: духовно - культурный метод, метод абстрагирования, описания, обобщения. В работе использованы научные методы, необходимые для реконструкции восприятия права: исторический, компаративный, логический. Автор приходит к парадоксальному выводу, что восприятие права через его нравственное содержание представляет куда больше перспектив, чем попытки создать теологию права в православной традиции.

ABSTRACT

A feature of philosophical, legal and theological thought in the understanding of law is the desire for the integrity of its perception. But not all attempts at such an aspiration can be successful. The synthesis of rational and transcendental perception, the intuitive-psychological approach, when the law is experienced and felt, is only one of the methods on the way to comprehending the law. A significant part of this study was the work of philosophers of law, religious philosophers, and theologians. The methodology used in the work is based on a comprehensive historical and philosophical analysis of sources and literature, which made it possible to clarify the features of the philosophical and legal concepts of thinkers and jurists, one way or another connected with Orthodoxy. A critical approach to modern works made it possible to assess the potential of domestic thought, as well as the problems of its development. At the same time, the methodological basis of the study was: the spiritual and cultural method, the method of abstraction, description, generalization. The work uses scientific methods necessary for the reconstruction of the perception of law: historical, comparative,

logical. The author comes to the paradoxical conclusion, that the perception of law through its moral content is much more promising, than attempts to create a theology of law in the Orthodox tradition.

Key words: Theology of law; philosophy of law; perception; Orthodoxy; legal understanding; integrity; religion.

Ключевые слова: Теология права; философия права; восприятие; Православие; правопонимание; целостность; религия.

Современное юридическое образование, по мнению исследователей, заметно отдаляет от философско-культурологического контекста права в сторону юридического позитивизма, все дальше отводит от реальности человеческой жизни, создавая виртуальную систему смыслов официального права. Такое образование формирует фрагментарное видение мира и «осколочное» восприятие права в бесконечно разнообразном потоке жизненных ситуаций и человеческих отношений, не способное передать его единство, многомерность и гармоничную целостность [10].

Размышляя о проблеме применения правовых норм к живым людям, их состояниям, деяниям и отношениям, которые неразрешимы на путях формальной индукции и дедукции, религиозный философ и правовед Ильин И. А. утверждал, что механическое сопоставление «признаков», указанных в норме, и в «свойствах» данной жизни – есть операция, убивающая право, уродующая жизнь и подрывающая в душах волю к правопорядку. Восприятие конкретной данности, по мнению религиозного философа и правоведа, должно быть актом художественной справедливости; понимание отвлеченного правила должно покоиться на созерцании безусловной цели права. Право, в восприятии философа, может регулировать конкретный жизненный материал абстрактными правилами только через среду живого, созерцающего и верного правосознания [6].

В свою очередь, восприятие часто относят к познавательным способностям человека, сущность которых состоит в воссоздании целостного образа предмета, непосредственно воздействующего на органы чувств. Этот образ возникает как результат синтеза и интерпретации всех конкретных актов ощущения отдельных свойств воспринимаемого объекта. Единство процесса восприятия и фиксации его результата определяются устройством объекта как целостной системы, разрешающими возможностями органов чувств, способностью мозга к интерпретационному синтезу и практическим опытом человека. Поэтому философский словарь и определяет восприятие как чувственное познание (субъективно представляющееся непосредственным) предметов (физических вещей, живых существ, людей) и объективных ситуаций (взаимоотношения предметов, движений, событий) [17].

Явление рецепции (от лат. *receptio* - принятие) связано не только с восприятием юридических идей, это постоянно протекающий в истории процесс перетока и обмена юридическими идеями: греки - римским юристам, последние - византийским юристам, т. е. опять грекам, те - итальянцам, арабам и т. д. Рецепция - это также невидимое восприятие обычаев, традиций. Гаджиев считает, что существует рецепция византийских правовых традиций Древней Руси [7]. Тем самым восприятие права в определенном смысле обусловлено влиянием юридических идей, которые содержатся в тех или иных теориях.

Бондаренко Ю.В., обращаясь к проблеме правогенеза в контексте рецепции византийского права в русском средневековом законодательстве, рассматривает изменения в системе и источниках права в период христианизации Руси. Ученый констатирует определенную избирательность отечественного законодателя в вопросах рецепирования. И если в сфере регулирования брачно-семейных отношений и других вопросах, составляющих непосредственную юрисдикцию церкви, применение норм византийского права носило объективно необходимый и, следовательно, весьма активный характер, то в сфере правовой регламентации других сфер правоотношений, отнесенных к княжеской юрисдикции, заимствование было весьма ограничено - власть

предпочитала пользоваться собственными установлениями и нормами обычного права. Исследователь связывает такую устойчивость к различным нововведениям с практическими соображениями и со значительной инерционной силой обычая. Автор утверждает, что распространение Православия явилось своеобразным фактором рецепции византийского канонического права и, частично, светского законодательства [1].

Ильин И. А. связывал причину обособления правосознания с его секуляризацией. Правосознание, утверждает философ, стало иррелигиозным (*irreligiös*) и принялось за устранение из правовой и политической жизни религиозного духа и религиозного содержания. «В результате было перестроено всё восприятие права и государства. Правосознание стало жертвой политического релятивизма, буржуазной беспринципности, духовного нигилизма и общественного порока» [5].

Однако Булгаков С. Н. полагает, что власть не может быть только чистым произволом правителей, а также, что и в принудительную форму права, облеченного защитой организованного принуждения, может быть закономерно включено не всякое содержание, а лишь принимаемое или попускаемое фактическим правосознанием. Власть и право в жизненной своей слиянности неразрывны и соотносительны; если право имеет свое основание во власти, то и последняя свою жизнь проявляет в праве: оно есть «высказанное слово» власти, ее «энергия» [2].

Правовед Сорокин В. В. в своей монографии «Право и православие» отмечает, что юридическое сообщество утратило целостное восприятие правовой действительности и перешло на усеченное понимание тех ценностей, на основе которых оно и формировалось как духовная, творческая сила. Ученый предлагает восстановить объемную сознательную целостность восприятия «Права» при помощи синтетической теории «Права». Однако в автор юридицирует богословие, в частности, утверждает, что «Право есть благодать Святого Духа...» [14]. Отождествляя теологические и юридические понятия, ставя равнозначным право и благодать автор совершает логическую и

догматическую ошибку. Такие инициативы не способны привести к целостному восприятию права.

В свою очередь, рассматривая особенности «восприятия» в трудах протоиерея Фетисова, можно встретить дополнительные суждения. Исследователь считает, что право и закон не сливаются в одну сущность, а действует синергийно и относятся друг к другу как душа и тело, как идея и материя. В своей работе, посвящённой онтологическим аспектам теологического правопонимания, автор заключает, что, «будучи по своему источнику трансцендентным тварному миру, являясь Словом Живого Бога, право имеет метафизическую природу, а потому его сущность может быть наиболее адекватно описана лишь языком богословия». По его мнению, только теоцентрическое осмысление права, как слова Божия способно открыть его подлинный и вечный метаюридический смысл» [16].

Такое восприятие может быть охарактеризовано как попытка продолжить развитие юридического богословия, периодически критикуемое исследователями, поскольку самая сущность христианства оказывается искаженной при юридическом жизнепонимании: теряется возвышенность и духовность представления о Боге. Здесь понимание «непримиримо противоречит христианскому жизнепониманию, как оно выражено в Священном Писании и творениях отцов Церкви. Возможны ли правовые отношения между Богом и человеком? На основании Священного Писания и Предания, говорим, что невозможны» [4].

Примечательно, что в книге «Феномен права в библейском богословии» протоиерей Тимофей Фетисов вводит понятие «кенотическое право». Автор проводит анализ субъекта права с позиций современного богословия персонализма и представляет авторское развитие теологического дискурса правового мышления, в котором изучаются мировоззренческие установки и ценности, определяющие правовые мотивацию и поведение человека, что приводит исследователя к определению нового для философско-правовой науки типа правопонимания. При этом, Фетисов пишет, что такое понятие как

«кенотическое право» крайне непонятно светскому юристу. Исследователь размышляет о необходимости Евангельского понимания права и его связи с христианским учением о любви, согласно которому любовь заключается в способности самоотречения, возможности жертвовать своими интересами или даже самой жизнью в пользу «другого» [15].

Чтобы понять о каком правопонимании идет речь вкратце рассмотрим понятие кенозис. «Кенозис» - это богословский, а не юридический, термин, который получил в русском языке не самый удачный эквивалент - «истощание», что означает резкое сознательное жертвенное уменьшение своего содержания и значимости ради высшей цели» [12]. Крест есть высшее выражение сознательной и совершенной любви; он включает в себя и полную вовлеченность всех, стремящихся ко Христу. Но эта Божественная любовь по отношению к человеческому роду осмыслена и целесообразна лишь тогда, когда встречает реальный отзыв со стороны человека.

Однако насколько «кенозис» уместно употреблять в полной мере к праву, человеку и правопониманию?

Кенозис в абсолютном значении относится, скорее, только к Богу, ради нашего спасения принявшему «условия жизни мира», добровольно им подчинившись, «в подобии человечеством быв» [8].

Более этого, есть мнение, что «отец» либерализма Фридрих Шлейермахер положил начало идеям «кенотического богословия» [9]. Такое богословие, по его мнению, является «детищем» протестантского либерального богословия и светской психологии, в результате чего кенотическая теория открывает путь для возрождения древних ересей.

В свою очередь, принцип герменевтического круга, сформулированный Шлейермахером, применительно к правопониманию, означает, во-первых, понимание отдельных правовых явлений и выявление в них общего (то есть усмотрения в них правового) и, во-вторых, понимание права в целом (что позволяет расценивать отдельные явления как правовые). Исследователи полагают, что в понимании права присутствуют как логические, так и

интуитивные моменты. Роль последних заключается преимущественно в понимании права как целого, в формировании общего представления о нем [13].

Если кенотическое правопонимание основано на герменевтических принципах, то такая «новация» содержит такие интуитивные аспекты, которые должны в процессе «самоистощения» соединиться в человеке без каких-либо противоречий, что вряд ли применимо к человеку с его динамикой восприятия права.

Поэтому не удивительно, что идея кеносиса оказывается чрезвычайно сложна для рационального выражения всех ее смыслов в едином понятийном дискурсе. Она не вполне выражена догматически и оставляет возможность ее дальнейшей богословской и философской рефлексии [11].

Примечательно, что восприятие права как нравственного явления наблюдается в достижениях римской юриспруденции. При разборе дел юристы интерпретировали существующие правовые нормы в духе их соответствия требованиям естественного права и справедливости и зачастую изменяли старую норму с учетом новых представлений о справедливости и справедливом праве (*aequum ius*). Подобная правопреобразующая (и правообразующая) интерпретация юристов мотивировалась поисками такой формулировки предписания, которую бы дал в изменившихся условиях сам справедливый законодатель. Принятие правовой практикой новой интерпретации (прежде всего в силу ее аргументированности и авторитетности ее автора) означало признание ее содержания в качестве новой нормы, а именно нормы *ius civile* [18].

Величко А. М. отмечает, что одни исследователи воспринимают христианские заповеди как нормы положительного канонического права, а не просто в качестве источников канонического права. Другие, напротив, относят *jus divinum* к нравственным наставлениям как основе канонического права, имеющим прямое отношение к формированию содержания его норм. В итоге признают божественное право лишь источником права, но не им самим [3].

Заключение.

Стремление к целостному восприятию должно начинаться с признания и осознания его поврежденности.

Субъективное восприятие правовых явлений напрямую связано с правосознанием - системой правовых взглядов, теорий о праве.

Несмотря на изменчивость восприятия права, его представление связано с сознанием в той мере, в какой оно носит эмпирический характер.

Интуитивно-психологическая особенность процесса восприятия права ведёт к переживанию права и возникновению определённых чувств. Отсюда и развивается эстетический подход к праву (греч. *aisthetikos* - относящийся к чувственному восприятию).

Связь права с властью способствует развитию синергического подхода в его восприятии. А юридизации богословия ведёт к повреждению восприятию правовых и духовных явлений.

Аксиологический подход в восприятии права ставит вопрос о необходимости нравственного совершенствования, апелляции к высшей правде и справедливости.

Восприятие права через его нравственное содержание представляет куда больше перспектив, чем попытки создать теологию права в православной традиции.

Список литературы

1. Бондаренко Ю.В. К проблеме рецепции византийского права // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2010. №4. С.276.
2. Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: www.vehi.net/bulgakov/svet/003.html#_ftn87. Дата обращения: 21.11.2021 г.

3. Величко А. М. Божественное и человеческое в каноническом праве. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: www.bogoslov.ru/text/print/5541916.html Дата обращения: 20.11.2021 г.
4. Воронов Л. Догматическое богословие. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: https://azbyka.ru/otechnik/Liverij_Voronov/dogmaticheskoe-bogoslovie/. Дата обращения: 21.11.2021 г.
5. Ильин И. А. О Большеви́зме и коммунизме // Собр. соч. в 10 т. / Сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1998. Т. 7. С. 11-12.
6. Ильин И. А. О сущности правосознания / подг. текста И. Н. Смирновым. М.: «Рарогъ», 1993. С. 230.
7. Гаджиев Г. А. Онтология права. М.: Норма: ИНФРА М, 2013. С. 285.
8. Лосский В.Л. Спор о Софии. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: https://azbyka.ru/otechnik/Vladimir_Losskij/spor-o-sofii/. Дата обращения 07.11.2021.
9. Лукьяненко Д. Анализ кенотического богословия Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: <http://sola-gratia.ru/files/Анализ%20кенотического%20богословия.pdf>. Дата обращения 07.11.2021.
10. Овчинников А. И. Основные проблемы философии права и её место в юридической науке // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 62.
11. Рожковский В.Б. Рецензия на статью протоиерея Т. Фетисова «Кенотическое право в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов» // Философия права. 2016. № 3 (76). С. 127-128.
12. Свешников В. прот. Очерки христианской этики. Электронный ресурс. Доступ к электронному ресурсу: <https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/ocherki-hristianskoj-etiki/>. Дата обращения 07.11.2021.

13. Соломатин Е. Н., Леснова Н. А. Роль интуиции в понимании права // Философия права в России: теоретические принципы и нравственные основания. Материалы. межд. науч. конф. - СПб.: СПбГУ, 2007. С. 98.
14. Сорокин В.В. Право и православие. Барнаул: изд-во Алт. ун-та, 2007. С. 275-324.
15. Фетисов Т. Кенотическое право в Священном Писании Ветхого и Нового Заветов // Научные труды Донской духовной семинарии: сборник. 2016. Вып. 4. С. 20-21.
16. Фетисов Т. Онтологические аспекты теологического правопонимания // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 96.
17. Восприятие. Словарь философских терминов (под науч. ред. проф. В.Г. Кузнецова). М. ИНФРА-М. 2007. С. 89-90.
18. Ульянищев В.Г. Основы римского права / отв. ред. В.Г. Ульянищев. М.: РУДН, 2012. С. 60.

УДК 14

**ПРОБЛЕМА ОБЪЕКТИВНО-ВСЕОБЩЕГО В ФИЛОСОФИИ
ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМА**

Коромыслов Виталий Валерьевич

*Канд. филос. наук, ФГБОУ ВО «Пермский аграрно-технологический
университет им. Д.Н. Прянишникова»*

vvk79@mail.ru

**THE PROBLEM OF THE OBJECTIVELY-UNIVERSAL IN THE
PHILOSOPHY OF EXISTENTIALISM**

Vitaly V. Koromyslov

*Candidate of Philos. Doctor of Sciences, D.N. Pryanishnikov Perm Agrarian
and Technological University*

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются особенности понимания проблемы объективно-всеобщего в экзистенциализме. Показывается, что, несмотря на то, что у авторов этого направления существуют установки на игнорирование этой проблемы, им не удаётся этого сделать в полной мере. В тоже время, отсутствие в их философии серьёзного анализа объективно-всеобщего приводит их к недопониманию глубинной сути и причин, поставленных ими проблем, а также закономерно склоняет их к выводам о трагичности, абсурдности и бессмысленности человеческого существования, о чуждости для человека

внешнего ему мира и о внутреннем одиночестве личности, оказывающейся противопоставленной обществу.

В современном мире всё большую популярность приобретают учения, отрицающие возможность полноценного познания объективных основ, законов и закономерностей мира. Преодоление наивных представлений о познавательном процессе, безусловно, является важным шагом вперёд, вместе с тем, такое пренебрежение проблемой объективно-всеобщего в общественных процессах, которое можно встретить во многих современных исследованиях, закономерно приводит к идеализациям, упрощениям, отрыву от понимания сути стоящих перед обществом проблем, к их поверхностной интерпретации. Это диктует необходимость критического анализа учений, породивших данные тенденции.

ABSTRACT

The article analyzes the peculiarities of understanding the problem of the objective-universal in existentialism. It is shown that, despite the fact that the authors of this direction have attitudes to ignore this problem, they do not manage to do this in full. At the same time, the absence of a serious analysis of the objectively-universal in their philosophy leads them to misunderstand the deep essence and causes of the problems they have posed, and also naturally inclines them to conclusions about the tragedy, absurdity and meaninglessness of human existence, about the alienness of the external world for a person and about the inner loneliness of a person who turns out to be opposed to society.

In the modern world, teachings that deny the possibility of a full knowledge of the objective foundations, laws and laws of the world are becoming increasingly popular. Overcoming naive ideas about the cognitive process is certainly an important step forward, at the same time, such disregard for the problem of the objectively universal in social processes, which can be found in many modern studies, naturally leads to idealizations, simplifications, separation from understanding the essence of the

problems facing society, to their superficial interpretation. This dictates the need for a critical analysis of the exercises that gave rise to these trends.

Ключевые слова: Экзистенциализм, Сартр, объективно-всеобщее, сущность человека, родовое и индивидуальное, проблема человека.

Key words: Existentialism, Sartre, objectively-universal, human essence, generic and individual, human problem.

Одним из таких направлений философской мысли, которое пренебрежительно относится к проблеме объективно-всеобщего, является философия экзистенциализма.

Как известно, противопоставляя своё учение философии сущностей и философии глубоких абстракций, экзистенциалисты называют его философией существования. Они делают акцент на индивидуальном человеческом бытии, на сознательной жизни индивида, уникальности его жизненной ситуации, пренебрегая лежащими в основе этого бытия объективными и всеобщими процессами, законами. Для них более важным является не познание объективной истины, а изучение внутреннего, субъективно переживаемого опыта человека [8, 168].

По ту сторону потока переживаний находится некая трансцендентная сущность, на которую эти переживания и направлены. Такая трансцендентная сущность может быть понята как всеобщее содержание самого человека, ибо это понятие формируется в контексте феноменологического миропонимания, а значит, может быть понята как внутренне присущая бытию человека. И в этом смысле, всеобщее содержание человека, его бытия оказывается тем, на что направлены все уникальные переживания каждого индивида, то что кроется за человеческим бытием, событиями его жизни. Для религиозного экзистенциализма это бог, для атеистического – ничто.

Таким образом, всеобщее в человеке понимается как нечто потустороннее, как некая сущность, находящаяся вне его самого, выводящая его за собственные пределы, создающая устремлённость во вне. И в этом, с одной стороны, схватывается момент творческой природы человека, его способности и потребности творить своё бытие и сущность, но с другой, – игнорируется внутренний стержень человека, тот фундамент, опираясь на который он творит своё бытие, своё будущее. Тем самым человек обрекается на вечную неопределённость, вечный страх перед непонятным и непредсказуемым будущим, становится лишь «свечой на ветру».

Человек, при таком подходе, постоянно оказывается перед лицом смерти, что превращает его жизнь в вечную трагедию. Это прививает ощущения его «заброшенности» в этот мир, ощущения одиночества и бессмысленности своего существования, беспочвенности человеческого бытия в чуждом ему мире [9, 149-150].

Будучи «заброшен в этот мир», человек бывает вынужден лишь смириться с навязанными ему помимо его желаний условиями, ограниченными рамками определённой культуры, конкретной ситуации и собственными природными задатками. В этом чуждом для него мире, в котором каждый сам за себя, в котором неоткуда ждать поддержки и помощи, человек находится в вечном конфликте с действительностью, что порождает в нём чувство абсурда этой реальности. Он в силе лишь идти на бунт против этого абсурдного, бесчеловечного мира, но этот бунт, по сути, ради самого бунта, это лишь пустой протест, ведущий к тому же хаосу [9, 150].

Такой предстаёт, например, философия бунта А. Камю: «Бунт... Это не устремление, ведь бунт лишён надежды. Бунт есть уверенность в подавляющей силе судьбы, но без смирения, обычно его сопровождающего... Вселенная абсурдного человека – это Вселенная льда и пламени... где нет ничего возможного, где всё дано. В конце его ждёт крушение и небытие. Он может решиться жить в такой вселенной. Из этой решимости он черпает силы, отсюда его отказ от надежды и упорство в жизни без утешения. Но что значит жить в

такой вселенной? Ничего, кроме безразличия к будущему и желания исчерпать всё что дано...» [3, 248].

Не случайно, таким образом, экзистенциализм называют "философией отчаяния". Человек оказывается подавленным под прессом чуждого ему мира, в обществе таких же как он в своём одиночестве, потерявших всякую надежду, как и веру в другого человека людей.

Одиночество личности усугубляется ещё и тем, что мир смысловой реальности индивидов создаётся стихийно, а потому общение оказывается не подлинным. Любовь, дружба и т.п. оказываются проникнуты фальшью и лицемерием, насквозь пропитанными той искусственностью, что порождается обстоятельствами всеобщей замкнутости на собственных интересах, эгоистичных побуждениях, всеобщего восприятия мира как чуждого и враждебного. По сути, каждый оказывается живущим в собственном «мирке», наиболее удобном для его понимания и восприятия мира. Таким образом, между такими мирками каждого человека образуется пропасть, преодолеть которую личность едва ли в силах. Если в религиозном экзистенциализме этот прорыв ещё возможен и достижим через любовь «перед лицом бога» (Г. Марсель) [9, 158-170], то в атеистическом, находясь перед лицом Ничто, осознавая бессмысленность и конечность человеческой жизни, личность понимает бесплодность и безнадёжность такого прорыва к другой личности, находящейся в том же положении.

Один из основоположников экзистенциализма М. Хайдеггер игнорирует проблему объективно-всеобщего, однако в его понимании всеобщим является Бытие, как некая субъект-объектная реальность, в которой объекты оказываются внутренне присущими бытию субъекта, причём это бытие дано каждому индивиду как совместное. Тем самым, такое бытие оказывается некой живой, иррациональной тканью, пронизывающей всё существующее, в которой предметный мир неразрывно связан с его переживанием субъектом. Бытие человека оказывается лишённым объективного содержания, социальных закономерностей и взаимосвязей, понимается как всецело иррациональное, в

котором повсюду господствует случайность, неизвестность и непредсказуемость. При этом всеобщее содержание духовного мира человека у Хайдеггера понимается как чуждое индивидуальному, как безличное и стихийное, довлеющее над ним [2, 368-374; 10, 63-75].

У Ж.-П. Сартра объективно-всеобщее также отрицается. Онтология Сартра – это феноменологическая онтология, исследующая человеческое существование лишь в его «экзистенции», как оно дано человеку, им переживается. У него отсекается проблема соотношения существования и той сущности, что связана с объективной реальностью. Сущность Сартр рассматривает в ином аспекте, как производную от человеческого существования. Его важнейший тезис состоит в том, что для человека существование предшествует сущности. Только уже существующий человек может обрести свою сущность, причём само это обретение той или иной сущности есть результат добровольного и осознанного выбора человека. Он пишет: «человек... такой, каким он хочет стать. И поскольку он представляет себя уже после того, как начинает существовать, и после этого прорыва к существованию, то он есть лишь то, что сам из себя делает...» [6, 77-78].

При этом сознание у Сартра рассматривается как чистая возможность, незаполненность бытием, что наделяет личность абсолютной свободой. Таким образом, выбор самого себя рассматривается как абсолютно произвольный, ничем не обусловленный. Это приводит к тому, что свобода человека превращается в тяжёлую ношу и трагедию, ему не на что опереться в этом выборе, в этом созидании себя, нечем оправдать свой выбор в глазах других. Сартр пишет: человек полностью и «неотвратимо обречён на нестерпимую необходимость созидания своего собственного существования вплоть до мельчайших деталей» [4, 77-78].

Человек при данном подходе закономерно отказывается от таким образом понимаемой свободы, а вместе с тем и от своей индивидуальности, ибо она для него оборачивается лишь невыносимым бременем и страданием от неопределённости, полной неизвестности впереди: «в тот самый момент когда я

переживаю своё бытие как ужас пропасти, я сознаю этот ужас как неопределённый в отношении к моему возможному поведению» [1, 306].

Поэтому личность, подавленная этой абсолютной открытостью перед будущим, а значит и обострённой ответственностью за всё совершаемое, стремится найти убежище и искусственный комфорт в принятии уже готовой роли.

Отсутствие в концепции Сартра объективной реальности, объективно-всеобщего приводит также к неизбежному столкновению, конфликту субъективных реальностей разных людей. Возможность «другого» посягать на моё право создавать этот мир вызывает определенный дискомфорт, поскольку объектом оценки, т.е. тем продуктом, который производится в наиболее удобном для чужого сознания виде, уже являюсь я сам [5, 207]. В глазах «другого» «я» ощущает свое низведение до уровня вещей, что выражается в стыде, смущении, робости. Сартр пишет: «Стыд... является признанием того, что я есть тот объект, на который смотрит другой и судит его» [7, 284].

Отрицание объективной реальности, объективно-всеобщего приводит также к выводу о всеобщей случайности бытия. Для Сартра не существует ничего, что является причиной существования. Случайность у Сартра есть основной принцип, он провозглашает необъяснимость существования каждого человека и каждой вещи, нелепость существования мира, в котором нет никакого смысла [4, 76]. Но такая позиция открывает дорогу к хаосу в человеческом существовании. В мире, где нет смысла и нет причин, где всё произвольно и абсурдно, в этом мире не найдётся и причин для самоограничения человека, для его ответственности. Этот мир есть мир вседозволенности.

Всеобщее в понимании Сартра – это универсально-значимое, но не в его объективном значении, а в его аспекте производности от совокупности индивидуальных проектов бытия. При этом каждый такой проект имеет приоритет над всеобщим, над всеми остальными. Он пишет: «Всегда можно понять идиота, ребёнка, дикаря и иностранца; достаточно иметь для этого лишь необходимые сведения. В этом смысле мы можем говорить о всеобщности

человека, которая, однако, не дана заранее, но постоянно создается. Выбирая себя, я создаю всеобщее» [6, 336-337]. Здесь подмечается тот момент, что в создании общего смыслового поля активность «я» имеет решающее значение, однако упускается из виду, что всеобщность значения становится возможной, если только сознанием схватывается какой-либо реальный момент бытия, упускается, что такая всеобщность создаётся не на произвольной основе, а на объективных основаниях, обусловленных объективными факторами. Эти объективные моменты и являются тем звеном, которое связывает субъективные реальности людей в единую смысловую реальность.

Осознанно или нет, но Сартр вплотную приближается к пониманию некой общности всех уникальных ситуаций, общности бытийных основ, их создающих. Так, в частности, Сартр пишет: «Всё то, что нужно для меня, нужно и для другого» [7, 379]. Онтологический подход, по мнению Сартра, к примеру, «позволяет предугадать, то, что будет этикой, которая берёт на себя ответственность перед человеческой реальностью» [1, 624] в ситуациях выбора поведения индивидом. Онтология открывает происхождение и природу ценностей. Заметим при этом, что рассматривая проект индивидуального бытия, можно смоделировать и тенденции совокупного взаимодействия индивидуального, пересечения линий их необходимых проявлений. Уникальное содержание в человеке не случайно, а есть закономерный результат «столкновения» специфично выразившейся человеческой природы с обстоятельствами жизни. Различие условий, помноженное на специфику черт формирующейся личности, и рождает всё множество уникальностей.

Итак, стремление Сартра освободить личность от всяких оков, которые им связываются с материальным, объективным, всеобщим, приводит лишь к нагнетанию условий, в которые поставлена личность и в конце концов сталкивает его с необходимостью исследования структур объективно-всеобщего.

В целом, экзистенциалисты уходят от проблемы объективно-всеобщего, делая акцент на уникальности человеческого существа. При этом в

экзистенциализме уникальность человеческого «я» абсолютизируется, пренебрегается то всеобщее и объективное содержание, которое служит основанием для того или иного поведения индивида. Поэтому «я» оказывается противостоящим всему остальному миру, обществу, всему что есть «не-Я». Тем самым, индивид обрекается на одиночество, на замкнутость собственными переживаниями бытия. Так, А. Камю сравнивает «не-Я» с глупой и прочной стеной, противостоящей человеку (равнодушной, неустрашимой, опасной). Таким образом, бытие для человека представляется либо как некий подвиг, либо как бессмысленная анонимность существования. Человек должен либо, несмотря ни на что, постоянно заставлять себя жить и творить самого себя, преодолевая все превратности судьбы, всю чуждость мира, преодолевая все условия, либо смириться, слиться с безликой толпой, стать «как все», покорно приспособившись к негативным тенденциям в обществе [4, 208-212].

Однако, несмотря на подмеченные действительные моменты современного мира, здесь игнорируется тот момент, что эта стена живая, наполненная человеческим содержанием, такими же другими «я», обладающими теми же потребностями, схожими проблемами и точно так же нуждающимися в тесном человеческом общении, гармоничном сосуществовании. А значит, что только анализ общественных процессов, у истоков которых и стоит индивидуальное человеческое бытие в его схожести ситуаций, складывающихся, с одной стороны, в одном историко-культурном поле, а с другой – как результат общей, в каждом случае типично (по многообразным типам) выразившейся природы человека, только этот анализ даёт полномасштабную картину, позволяющую принимать реальные шаги по решению конкретных проблем личности.

Положительным моментом экзистенциализма является то, что в понятии экзистенции, особенно это справедливо для религиозного экзистенциализма, присутствует соприкосновение с вечным, объективным. Экзистенциальный опыт выявляет всякое напряжение в отношении личности и мира, а значит выявляет некие всеобщие ситуации, с которыми сталкивается личность. Это те ситуации, в которые по мере своей жизни может попасть каждый. Но последние

переживаются каждым по-разному, у каждого своё, интимное переживание этих жизненных ситуаций, напряжений. Тем не менее, здесь подмечаются действительные связи человека с внешним миром.

Наиболее общие из этих вышеуказанных ситуаций вызывают у человека определённые всеобщие состояния, которые описываются экзистенциалистами в системе таких понятий как: страх, надежда, отчаяние, решимость и т.д. На основе такой системы понятий они пытаются построить единую картину мира. Именно благодаря этим подмеченным экзистенциалистами моментам всеобщего человеческой жизни, им и становится возможен её анализ. Таким образом, экзистенциалистам так и не удаётся отрешиться от области всеобщего.

Тем не менее, толкование этих схваченных ими моментов всеобщего выражается в системе их понятий неадекватно. Происходит преувеличение роли одних оттенков смысла, при чём тех, что слабо затрагивают суть реальных процессов, явлений, и в то же время, не улавливаются или просто игнорируются другие моменты, не схватывается вся полнота смысла действительно происходящих процессов. Выхватываются лишь те оттенки смысла, что удобны для истолкования в контексте собственной системы взглядов.

Так, экзистенциализм, пренебрегая объективно-всеобщим, превращается в игру на переживаниях, чувствах человека, делая акцент на наиболее субъективно-значимых для него моментах, на том, перед чем человек не может оставаться равнодушным. Но, в то же время, эти проблемы не решаются, а лишь обостряются, экзистенциалисты не дают реальных путей их решения, а наоборот, втягивают в глубину этих проблем, усиливают тенденции понимания мира как чуждого. Такая замкнутость собственной конечной жизнью разрушает всякие перспективы развития общества в конструктивном ключе.

Список литературы

1. Блинников Л.В. Великие философы. – М.: Логос, 1999. – 432 с.

2. Гайденко П.П. Прорыв к трансцендентному : Новая онтология XX века. –М.: Республика, 1997. – 495 с.
3. Камю. А. Изнанка и лицо // Бунтующий человек. – М: ЭКСМО-Пресс; Харьков: Фолио,1998. – 864 с.
4. Коссак Ежи. Экзистенциализм в философии и литературе. – М.: Политиздат, 1980. – 360 с.
5. Проблема человека в западной философии / Под ред. Гуревича П.С. – М.,: Прогресс, 1988. – 552 с.
6. Сартр Ж.П. Экзистенциализм – это гуманизм // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – с. 319-344.
7. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
8. Стевенсон Лесли. Десять теорий и природе человека. – М.: Слово, 2004. –230 с.
9. Философия, религия, культура / Под ред. В.В. Лазарев, С.С. Аверинцев. –М.: Наука, 1982. – 398 с.
10. Философия М. Хайдеггера и современность / Под ред. Мотрошиловой Н.В. – М.: Наука, 1991. – 253 с.

ЛОГИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ АНТОНИМИИ

Лихачева Ольга Николаевна

Кандидат филологических наук, доцент,

доцент кафедры педагогики и межкультурных коммуникаций, Негосударственное аккредитованное некоммерческое частное образовательное учреждение высшего образования «Академия маркетинга и социально-информационных технологий-ИМСИТ» г. Краснодар,
e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru

Ибрагимова Ангелина Викторовна

Студентка Негосударственное аккредитованное некоммерческое частное образовательное учреждение высшего образования «Академия маркетинга и социально-информационных технологий-ИМСИТ»г. Краснодар,
e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru

THE LOGICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT OF ANTONYMY

Olga N. Likhacheva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural
Communications, IMSIT Academy,
Krasnodar, e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru

Angelina V. Ibragimova

1st year student of IMSIT Academy,

АННОТАЦИЯ

Существование антонимии в языке не вызывает сомнения, однако причины ее возникновения и функционирования не всегда являются ясными. Будучи языковой универсалией, антонимия предполагает противоположность, которая, в свою очередь, есть категория логико-философская. Занимаясь вопросами антонимии, мы посчитали целесообразным рассмотреть ее логико-философский аспект, что будет способствовать более полному ее пониманию в лингвистике.

В данной статье рассматривается философская категория противоположности и ее особенности при наложении на лингвистический феномен. Также раскрывается логическая основа антонимических противопоставлений, основанных на отрицании. Данные компоненты помогают раскрыть сущность и типологию антонимов в двух разносистемных языках – русском и английском. Это антонимы-конверсивы, векторные антонимы, контрарные и контрадикторные единицы. В академическом процессе очень важно подкреплять объяснение данных видов антонимов именно логико-философским обоснованием, что позволит наиболее тщательно раскрыть их суть и последующее функционирование в языках, подлежащих изучению. Приводятся примеры в сопоставительном ключе двух языков, рассматриваются их сходства и различия, а также возможное некачественное восприятие указанного антонимического феномена при обучении иностранным языкам на современном этапе.

ABSTRACT

The existence of antonymy in the language is not in doubt, but the reasons for its occurrence and functioning are not always clear. As a linguistic universal, antonymy presupposes the opposite, which, in turn, is a logical-philosophical category. Dealing with the issues of antonymy, we considered it expedient to consider its logical and

philosophical aspect, which will contribute to a more complete understanding of it in linguistics.

This article examines the philosophical category of opposition and its features when applied to a linguistic phenomenon. The logical basis of antonymic oppositions based on negation is also revealed. These components help to reveal the essence and typology of antonyms in two different system languages - Russian and English. These are antonyms-conversions, vector antonyms, contrarian and contradictory units. In the academic process, it is very important to support the explanation of these types of antonyms precisely with a logical and philosophical rationale, which will allow the most thorough disclosure of their essence and subsequent functioning in the languages to be studied. Examples are given in a comparative way of the two languages, their similarities and differences are considered, as well as the possible poor-quality perception of the specified atonymic phenomenon when teaching foreign languages at the present stage.

Ключевые слова: антонимия, логико-философский аспект, противоположность, типология антонимов, сопоставление, академический процесс, восприятие

Key words: antonymy, logical-philosophical aspect, opposite, typology of antonyms, juxtaposition, academic process, perception

Одним из типов отношений между вещами, явлениями, процессами и т.д. является отношение противоположности. Отношения данного типа широко распространены как в природе, так и в общественной жизни. В философии различают два вида противоположности: противоположность внутри одной сущности (противоположные определения одной и той же сущности); противоположность между двумя сущностями (истинные, действительные крайности).

Например, **север и юг** – противоположные определения одной и той же сущности, различия одной сущности на высшей ступени ее развития [1]. Они

представляют собой дифференцированную сущность. Истинными, действительными крайностями были бы **полюс и полюс, человеческий и нечеловеческий род**. В одном случае различие есть различие существования, в другом – различие между сущностями, различие двух сущностей.

Как видим, в первой части этого определения подчеркиваются противостоящие, дополняющие друг друга проявления единой сущности, выражаемой с помощью противоположных, антонимических определений.

Например: **север/юг** – полюс; **тепло/холод**- температура, во второй- характер крайностей, противоположных по своей сущности, не имеющих между собой ничего общего, не дополняющих друг друга. Их описание не является нашей задачей, так как мы рассматриваем антонимию, т.е. противоположность внутри одной сущности.

Еще одним важным моментом при рассмотрении понятия противоположности в философском аспекте является ее абсолютность или относительность.

Ряд ученых (В.Н.Комиссаров, Л.А.Новиков, Ю.Д.Апресян) отрицают существование противоположных явлений и вещей. Противоположность значений слов – антонимов не связана непосредственно с какими бы то ни было особенностями отражаемых ими явлений [2]. Нет оснований утверждать, что слова – антонимы называют какие-то особые предметы или явления, противоположные по самой своей природе. Вряд ли можно говорить, например, что цвета **белый и черный** по самой своей природе больше противопоставлены друг другу, чем крайние точки спектрального ряда **красный и фиолетовый**, или что **небо** от **земли** объективно дальше, чем **небо** от **воды**. Напротив, рассмотрение характера предметов и явлений, называемых словами – антонимами, показывает, что с точки зрения предметной соотнесенности такие слова обнаруживают близость значения [3,4]. Эта близость заключается в том, что все члены антонимической группы называют предметы и явления одного рода, принадлежащие к одной и той же категории объективной действительности. Например, английские антонимы **hot** и **cold** «горячий -

холодный» показывают температурные явления, **high - low** «высокий - низкий» показывают, в свою очередь, вертикальные размеры предметов и т.д. Л.А.Новиков также считает, что предметы и их свойства противоположны не сами по себе, не по своему денотативному значению, а как результат их вербального осмысления, оценки включения в систему языка, в группы слов, обозначающих то же самое качество, свойство, отношение и т.п. Высказывается мнение, что общность антонимов выводится из их собственных семантических свойств, а не из реальных свойств обозначаемых ими явлений или вещей, потому что противоположности явлений или вещей не существует [5].

Мы склонны полагать, что все же имеется некоторая детерминированность языка объективной действительностью.

Известно, что в «Диалектике природы» Ф. Энгельс писал: «Тождество и различие, необходимость и случайность, причина и следствие – вот главные противоположности, которые, если их рассматривать отдельно, превращаются друг в друга». Из этого высказывания, соглашаясь с Е.Н.Миллером, мы делаем следующие выводы, что: противоположности существуют, они могут превращаться реально друг в друга, перечисленные противоположности главные из тех, значит, не единственные [6]. Также можно согласиться с Е.Н.Солнцевым, что «в значениях языка отражено представление данного народа о внешнем мире, детерминированное этим внешним миром».

Детерминированность лучше всего показать на конкретных языковых примерах.

Например: **большой – маленький** - общепризнанные антонимы, хотя их значения отражают отнюдь не абсолютные противоположности, существующие в реальном мире. Один и тот же предмет, например, **завод, город** и т.д. по оценке разных людей, может считаться и большим, и маленьким. Один и тот же предмет может в разное время характеризоваться одним и тем же человеком в одном случае как большой, в другом - как маленький: здесь особенно ярко проявляется различное видение противоположных свойств предмета. И, тем не менее, противоположность **большой - маленький** и ее эквиваленты, соответственно, в

английском языке **big - small** существует объективно. Все дело в том, по нашему мнению, что речь идет об относительной, релятивной противоположности [7,8]. Эта противоположность имеет место и проявляется лишь в чем-то конкретном, определенном, ограниченном какими-то рамками. Например, **дешевый - дорогой** (костюм, дворец, спорт, **длинный - короткий** (карандаш), **глубокий - мелкий** (ручей, океан). Сравним в английском языке: **cheap –expensive** «дешевый - дорогой» (одежда, дворец, украшение), **long- short** «длинный - короткий» (жизнь, история), **deep- shallow** «глубокий - мелкий» (река, океан).

Но так обстоит дело далеко не всегда. В языке функционирует много антонимов, противоположные значения которых отображают абсолютные противоположности, например: **испарение – конденсация**. По мнению физиков, это два обратных процесса. Лингвисты установили, что в языке есть также слова, которые обозначают указанные процессы. Также признано, что **испарение и конденсация** - антонимы. Отсюда мы можем сделать вывод, что антонимы **испарение и конденсация** отображают существующие и в природе противоположности [9]. В отличие от слов **большой и маленький**, допускающих релятивизацию значений в зависимости от семантической дистрибуции, слово **испарение** везде означает одноименный процесс, а **конденсация** всегда означает процесс конденсации. Следовательно, слова **испарение и конденсация** отображают объективные противоположности, носящие абсолютный характер.

Итак, из этих рассуждений можно сделать вывод, что противоположность в философском смысле может быть объективной, или абсолютной и релятивной, или относительной. Таким образом, приближаясь к понятию противоположности в философии, следует отметить, что ранее противоположность определялась как категория, выражающая одну из сторон противоречия. Однако данное определение, по нашему мнению, несколько неполно. Учитывая идеи, предложенные Е.Н.Миллером и А.Н.Аверьяновым, противоположность следует определить как «развитое до предела различие одной сущности», т.е. крайняя ступень различия. Такое определение

противоположности мы можем экстраполировать на язык и выделить два типа антонимов - относительные и абсолютные [10]. Те антонимы, которые отражают реальные, нерелятивные противоположности, мы будем называть абсолютными. Например, **север- юг, испарение – конденсация, день- ночь, брат- сестра**. В английском языке, соответственно, **south- north** «юг - север», **brother- sister** «брат - сестра», **to ascend- to descend** «подниматься - спускаться», **day- night** «день - ночь».

Те же антонимы, которые отражают релятивные противоположности, мы назовем относительными. Например, **большой - маленький, холодный - теплый, богатый - бедный, хороший - плохой**. В английском языке, соответственно, **big- small** «большой- маленький», **cold- warm** «холодный- теплый», **rich- poor** «богатый- бедный», **easy-difficult** «легкий – тяжелый». Таких антонимов большинство, как в русском, так и в английском языках. Это объясняется их оценочным характером, следовательно, предполагающим некоторую субъективность, т.е. относительность.

Рассматривая антонимию в плане логики, т.е. ее логический аспект, следует, по нашему мнению, осветить ее связь с отрицанием. Считается общепризнанным, что в объективном мире и человеческом опыте ничего отрицательного нет [11]. Два явления могут стать отрицаниями друг друга только из-за отношения несовместимости. Но это отнюдь не означает, что в объективной реальности вообще нет отрицания. Материалистическая диалектика рассматривает отрицание как «необходимый момент развития, условие качественного изменения вещей».

Развиваясь, объект со временем прекращает свое существование, исчезает и, таким образом, становится своим собственным отрицанием. Следовательно, отрицание реально существует как отношение несовместимости и как момент развития объектов реального мира. Эта реальность отрицания и отображается в языке. В языкознании ученые связывают отрицание с понятием «оппозиция». Под оппозицией Н.С. Трубецкой понимал «противоположение, предполагающее наряду с признаками, которые позволяют отличать один член оппозиции от

другого, общие для них признаки». Он различал привативные, ступенчатые (градуальные) и равнозначные оппозиции [12]. Их логическое содержание рассмотрено в статье А.В.Исаченко, где намечались параллели между указанными оппозициями и традиционными логическими понятиями противоположный (контрарный), противоречащий (контрадикторный), а также комплементарный (дополнительный) подкласс. Л.А. Новиков выделяет на этой основе типы семантических отношений, в одно из которых должны вступать слова, чтобы считаться антонимами: контрарную, векторную, контрадикторную и конверсивную противоположности. Например, **молодой - старый** (контрарная), **входить - выходить** (векторная), **выигрывать - проигрывать** (конверсивная), **слепой – зрячий** (контрадикторная).

Критический анализ роли отрицания в теории антонимии дан в книге В.А. Михайлова «Генезис антонимических оппозиций». В ней автор справедливо, на наш взгляд, считает, что превращение противопоставления в противоположность есть процесс, и этот процесс связан с превращением слабого отрицания в сильное, предельное, выраженное в форме противоречия «А - не А», и что отрицание следует рассматривать «не просто как данный в статике инвариант антонимической оппозиции, но как системную операцию, порождающую отношение противоположности и антонимию».

Итак, если мы будем определять антонимию на основе ее связи с отрицанием, точнее, рассматривать отрицание как механизм порождения антонимии, то нам придется признать антонимическим весь лексический состав языка [12]. Но такая антонимия окажется беспредельной, не имеющей границ. Было найдено ограничение: отрицание должно «указывать» на определенный антипод, включая «наличие – отсутствие». Поскольку это ограничение входит в противоречие с функцией важнейшего свойства единиц номинации, необходимо, по нашему мнению, устанавливать антонимичные оппозиции с помощью средств их идентификации не как статические, незыблемые, заранее заданные, а как динамичные отношения, способные к постоянным видоизменениям в процессе употребления в речи.

Таким образом, в основе антонимии лежит отрицание, однако оно должно обязательно быть предельным, т.е. «должен отрицаться весь остаток родового множества, не названный данным антонимом». Целесообразно также обратить внимание на тот факт, что не всегда отрицательные языковые формы выражают логическое отрицание [13]. Например, **бесценный** и **недуг** означают положительные понятия, а именно **драгоценный** и **болезнь**. И наоборот, положительные языковые формы могут выражать логическое отрицание – отрицательные понятия, например, **холостой** = **неженатый**; **слепой** = **незрячий**. К тому же, например, в словах типа **слепой**, **глухой** (в них выражено отсутствие, лишенность чего-либо, значит, отрицание) грамматика в отличие от логики, не усматривает никакого отрицания.

И заключительный аспект, связанный с отрицанием, маркированность – немаркированность отрицания [14]. Если антоним имеет отрицательный формант, то он, подобно немаркированному антониму, не только отрицает значение члена антонимической оппозиции, но содержит также момент утверждения (положительный момент). Например, **справедливый** – **несправедливый**, **удача** – **неудача**, **правда-неправда**. В данном случае отрицательный формант «не» образует новое слово, которое несет положительную информацию, противоположную той, которую несет исходное слово (справедливый, правда), «не» выражает не просто отсутствие, отрицание, но этим отрицанием выражает качественно новое значение – противоположное [15].

Следовательно, антонимическим отрицанием становится слово в целом, независимо от наличия или отсутствия в нем отрицательного форманта, слово, называющее нечто положительное, реально существующее, не отрицательное, ибо «ни в мире, ни в опыте, нет ничего отрицательного».

Исходя из всего вышесказанного, отметим, что одним из главных свойств антонимов является их связь с отрицанием, выраженным или невыраженным формальными средствами. Отрицание присуще всем антонимам, но их выделительным признаком оно служит лишь в том случае, когда

отрицается весь «остаток» родового множества, не названного данным антонимом. Антонимическое отрицание допускает «сосуществование» отрицательного и положительного моментов в содержании второго (первого) компонента оппозиции, значение которого оно отрицает [16]. Действие антонимического отрицания взаимонаправлено. Первый компонент оппозиции отрицает второй, второй отрицает первый. Антонимами могут быть как крайние члены родового множества, так и не крайние, поэтому наличие отрицания как критерия определения антонимически противопоставленных единиц номинации необходимо устанавливать в речи.

Итак, предельное отрицание превращается в противоположность, которая может быть нескольких видов. Это контрарная, контрадикторная, векторная и конверсивная противоположности. Соответственно, выделяются и виды антонимов – контрарные, контрадикторные, векторные и конверсивы. Они характерны как для русского, так и для английского языка.

Как видим, связь философских категорий и лингвистики проявляется достаточно ярко, что позволяет более качественно воспринимать реалии и эффективно их использовать в академических целях.

Список литературы

1. Гак, В.Г. Сопоставительная типология французского и русского языков. М., Просвещение, 2015 - 310 с.
2. Аракин, В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. М., М. 2013. – 256 с.
3. Лихачева О.Н. Сопоставительный анализ русских и английских антонимов: структурно-семантический аспект. Монография. Майкоп, 2010. – 140 с.
4. Миллер, Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 2011. – 213 с.
5. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М., 2015. – 290 с.

- 6.Новиков, Л.А. Современный русский язык: теорет. курс: в 2ч. Ч.2 Лексикология. М., Русский язык, 2018. – 160 с.
- 7.Родичева, Э.И. К проблеме антонимии. М.: Изд-во МГУ, 2003. – 146 с.
- 8.Рождественский, Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М., 2019. – 326 с.
- 9.Уемов А.И. Проблема отрицательных определений: «логико-грамматические очерки». М., Высш. шк., 1991.
- 10.Успенский Б.А. Структурная типология языков. М., 2017. – 231 с.
- 11.Уфимцева А.А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., Наука, 2017. – 272 с.
- 12.Михайлов В.А. Генезис антонимических оппозиций. М., 2008. – 234 с.
- 13.Мхитарян И.Г. Об антонимах в русском языке. М., Русский язык. 2003. -144 с.
- 14.Аверьянов, А.Н. Динамика противоречий. М., 1999. – 134 с.
- 15.Комиссаров, В.Н. Проблема определения антонима: о соотношении логического и языкового в семасиологии. М.,2004. – 140 с.
- 16.Апресян, Ю.Д. Современная лексическая семантика. Ч. II. Синонимические средства языка и правила перефразирования (лексические антонимы). М.,2014.- 110 с.
17. Борисова Е.М. История философии: учеб. Проспект, 2005.- 240 с. - М.: ТК Велби
18. Алексеев П.В. Социальная философия: Учебное пособие. - М.: ООО "ТК Велби", 2003 - 256 с.
19. Борzych С. В. Теория потребления: монография / Борzych С. В. - Москва: ИНФРА-М, 2016. – 123с.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКИХ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
КАТЕГОРИЙ НА ПРИМЕРЕ АНТОНИМИЧЕСКИХ
ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЙ**

Лихачева Ольга Николаевна

*Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры педагогики и межкультурных
коммуникаций, Негосударственное аккредитованное некоммерческое
частное образовательное учреждение высшего
образования "Академия маркетинга и
социально-информационных технологий-ИМСИТг. Краснодар,
e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru*

Ибрагимова Ангелина Викторовна

*Студентка Негосударственное аккредитованное некоммерческое
частное образовательное учреждение высшего
образования "Академия маркетинга и
социально-информационных технологий-ИМСИТг. Краснодар,
e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru*

**THE INTERACTION OF PHILOSOPHICAL AND LINGUISTIC
CATEGORIES ON THE EXAMPLE OF ANTONYMIC OPPOSITIONS**

Olga N. Likhacheva

*Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural
Communications, IMSIT Academy,*

Krasnodar, e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru

Angelina V. Ibragimova

1st year student of IMSIT Academy,

Krasnodar, e-mail:olga-lihacheva@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Антонимия является ярким проявлением тесного взаимодействия философии и лингвистики. Это универсальное явление, наблюдаемое в различных языках и на различных уровнях языковой системы. Она играет важную роль в речемыслительной деятельности, поскольку является основным выразительным средством создания контраста. Неоднозначный и многоаспектный подход к определению антонимии, к результатам исследования в этой области, а также материалы лексикографической обработки, представленные в словарях антонимов, позволяют высказать гипотезу, что антонимия представляет собой достаточно противоречивое явление, основанное на философской категории отрицания и противоположности. Однако подчеркнем, что и отрицание, и противоположность в лингвистической науке имеют свои особенности, которые находят свое отражение в типологии современных антонимов в русском и английском языках.

В соответствии с видами противоположности определяются следующие антонимы: контрарные, комплементарные, векторные и конверсные. В данной статье будут подробно рассмотрены их характеристики, как в русском, так и в английском языках, сходства и различия проявления данной универсалии в разносистемных языках. Впоследствии это поможет внести новые пункты в классификацию антонимов по типу противоположности, а также упростит восприятие этого явления в процессе академической деятельности на разных этапах.

ABSTRACT

Antonymy is a vivid manifestation of the close interaction between philosophy and linguistics. This is a universal phenomenon observed in different languages and at different levels of the language system. It plays an important role in speech-thinking activity, since it is the main expressive means of creating contrast. The ambiguous and multidimensional approach to the definition of antonymy, to the results of research in this area, as well as the materials of lexicographic processing presented in the dictionaries of antonyms, allow us to hypothesize that antonymy is a rather contradictory phenomenon based on the philosophical category of negation and opposition. However, we emphasize that both negation and opposition in linguistic science have their own characteristics, which are reflected in the typology of modern antonyms in Russian and English.

In accordance with the types of opposition, the following antonyms are defined: contra, complementary, vector and conversion. This article will consider in detail their characteristics, both in Russian and in English, the similarities and differences in the manifestation of this universal in multi-system languages. Subsequently, this will help to introduce new points in the classification of antonyms according to the type of opposition, and also simplify the perception of this phenomenon in the process of academic activity at different stages.

Ключевые слова: антонимия, противоположность, отрицание, контрарные антонимы, комплементарные антонимы, антонимы – конверсивы, векторные антонимы

Keywords: antonymy, opposite, negation, contrarian antonyms, complementary antonyms, antonyms - conversions, vector antonyms

Отметим, что одним из главных свойств антонимов является их связь с отрицанием, выраженным или невыраженным формальными средствами. Отрицание присуще всем антонимам, но их выделительным признаком оно служит лишь в том случае, когда отрицается весь «остаток» родового множества, не названного данным антонимом [1]. Антонимическое отрицание допускает

«сосуществование» отрицательного и положительного моментов в содержании второго (первого) компонента оппозиции, значение которого оно отрицает. Действие антонимического отрицания взаимонаправлено. Первый компонент оппозиции отрицает второй, второй отрицает первый. Антонимами могут быть как крайние члены родового множества, так и не крайние, поэтому наличие отрицания как критерия определения антонимически противопоставленных единиц номинации необходимо устанавливать в речи.

Итак, предельное отрицание превращается в противоположность, которая может быть нескольких видов [2]. Это контрарная, контрадикторная, векторная и конверсивная противоположности. Соответственно, выделяются типы антонимов по типу противоположности в русском языке – контрарные, контрадикторные, векторные и конверсивные антонимы.

Контрарная противоположность предполагает, что членами ее оппозиции являются качественные слова, сумма крайних членов которых не равна родовому понятию, так как в него входят также промежуточные члены. Например, молодой – немолодой – нестарый – старый, красивый – некрасивый – небезобразный – безобразный. Такие антонимы также называются градуальными.

Наряду с ними в лингвистике выделяют контрадикторные антонимы. Контрадикторная, или комплементарная противоположность предполагает, что члены оппозиции покрывают в своей совокупности все родовое понятие (множество, состоящее из двух элементов). В логических отношениях этого вида между противоположными членами нет никакого среднего, промежуточного члена. Они, в отличие от контрарной противоположности, не предполагают градуальности [3]. Соответственно, выделяют контрарные, или комплементарные, или дополнительные антонимы. Например, женатый – холостой, война – мир, истинный – ложный.

При конверсии, или конверсивной противоположности имеет место перестановка элементов высказывания предшествующего и последующего членов, в результате чего то же самое отношение рассматривается с

противоположных точек зрения. В связи с этим типом противоположности можно выделить еще один тип антонимов – антонимы - конверсивы. Например, продавать - покупать, давать - брать, проигрывать - выигрывать.

Векторная противоположность предполагает противоположно направленные действия, взаимоисключающие свойства и признаки. Соответственно, выделяют и векторные антонимы. Например, поднимать - опускать, надеть - снять, расширять - сужать.

В английском языке Дж. Лайонз также выделяет понятие «типы противоположности», на основании которых определяются следующие виды антонимов [4]. Antonyms (собственно антонимы), в русском языке это типичная контрарная противоположность. Антонимами он называет слова типа bad – good «плохой – хороший», far – near «далекий – близкий», cold – warm «холодный – теплый». Complementaries (комплементарные антонимы), в русском языке наблюдается в этом смысле полное соответствие понятий. Например, married - single «женатый- холостой», true - false «истинный- ложный». Conversives (антонимы – конверсивы) соответствуют конверсивной противоположности. Например, to win - to lose «проиграть – выиграть», to buy - to sell «покупать – продавать». Наряду с Дж.Лайонзом, Р.Эган и Д.Круз также выделяют определенные типы антонимов по типу противоположности, называя их оппозидами, а именно, gradable opposites (градуальные антонимы), например, clean – dirty «чистый - грязный», hot-cold «горячий - холодный», tall-short «высокий - низкий»; complementaries (комплементарные антонимы), например, true-false «истинный – ложный», dead-alive «мертвый – живой», male-female «мужчина – женщина», day-night «день – ночь»; directional opposites (векторные антонимы), например, up-down «вверх – вниз», in-out «в - из», clockwise – anticlockwise «по часовой стрелке – против часовой стрелки»; elational opposites = relative terms = converse terms (антонимы - конверсивы), например, above – below «над-под», predecessor-successor «предок – потомок», parent-child «родитель – ребенок».

Как видим, понятия «антоним» и «оппозит» являются взаимозаменяемыми в работах Л.А Новикова и западных лингвистов, за исключением Дж. Лайонза, который антонимами называет лишь градуальные антонимы.

Итак, в соответствии со всем вышесказанным мы можем сказать, что причиной антонимии в языке является противоположность, заложенная в самом характере человеческого мышления и окружающей действительности. Материалистическая философия рассматривает вещь, явление, свойство как сущность [5]. В связи с этим антонимы, выступающие в качестве знаков «раздвоенного» на противоположности единства, одновременно определяют предел проявления какого-либо качества, свойства, указывают на неразрывную связь противоположностей в каждом конкретном проявлении данной сущности [6]. Таким образом, противоположные начала существуют в каждом данном конкретном проявлении сущности, меняя свое соотношение при движении к полюсам, «краям» парадигмы, где разность потенциалов наибольшая, где одна противоположность господствует над другой, но не исключает, а предполагает ее. Слова – антонимы, являясь отражениями этих противоположностей, оказываются тесным образом связанными, взаимно притягиваясь и отталкиваясь. Понятие «противоположность» конкретизируется логически в виде градуальной противоположности, комплементарности, взаимной противонаправленности – векторности, конверсии, что, в свою очередь, является тесно связанным с различными способами и средствами выражения в языке [7].

Хотя с формальной точки зрения противоположные понятия несовместимы, исключают друг друга, диалектическая природа их такова, что они не могут не предполагать друг друга, пронизывают друг друга, не существуют друг без друга. В этом смысле внутреннюю сущность противоположности можно раскрыть как оценку одного и того же, одной сущности.

Список литературы

1. Лихачева О.Н. Сопоставительный анализ русских и английских антонимов: структурно-семантический аспект. Монография. Майкоп, 2010. – 140 с.
2. Миллер, Е.Н. Природа лексической и фразеологической антонимии. Саратов, 2011. – 213 с.
3. Новиков, Л.А. Антонимия в русском языке: семантический анализ противоположности в лексике. М., 2015. – 290 с.
4. Lyons, J. Structural Semantics. Oxford, 2015
5. Новиков, Л.А. Современный русский язык: теорет. курс: в 2ч. Ч.2 Лексикология. М., Русский язык, 2018. – 160 с.
6. Egan, R.F. Survey of the History of English Synonymy. In Webster's New Dictionary of Synonyms. Springfield: Merriam-Webster, 2009
7. Lehrer, A. and Lehrer, K. Antonymy- Linguistics and Philosophy. London, 1999
8. Петров И.Ф., Петрова С.И. Мультикультурализм и массовая культура как детерминанты культурного процесса. Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2019 Т8. С 155-161.
9. Петров И.Ф., Петрова С.И. Понимание категории «ПОТРЕБНОСТЬ» в древней Греции. Международный научно-исследовательский журнал 2017. №3-1 (57). С 153-155.

ЮРИДИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ / LEGAL RESEARCH

**СУДЕБНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ:
РЕЗУЛЬТАТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Паращук Кирилл Владимирович

*Студент магистратуры, юридический факультет, ФГБОУ ВО «Донской
государственный технический университет»*

parashchukk161@gmail.com

JUDICIAL REFORM IN RUSSIA: RESULTS AND PROSPECTS

Kiril V. Parashchuk

Master's degree student, Faculty of Law,

Don State Technical University

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ реформы судебной системы в России и ее последствий. Выделены основные этапы судебной реформы, дана их оценка. Определены основные достижения и проблемы, существующие в сфере судебной власти, требующие дальнейших решений. Среди очевидных успехов можно отметить рост эффективности рассмотрения судебных споров; внедрение современных информационных технологий, облегчающих и упрощающих обращение к судебным ресурсам, процессуальные действия; появление отдельных апелляционных и кассационных судов, ставших дополнительной гарантией права на обжалование судебных решений. В настоящее время также

существуют достаточно серьезные преграды на пути к построению справедливой, беспристрастной и независимой судебной власти, главными из которых являются непрозрачный процесс прохождения кандидатур судей через Кадровую комиссию при Президенте РФ; чрезмерное влияние Президента на формирование состава судей Верховного и Конституционного судов; недостаточная реализация принципа состязательности сторон. Наличие недостатков подтверждается и общественными настроениями - низким уровнем доверия граждан к деятельности судов. Однако в настоящее время существуют конкретные проекты различных организаций по решению существующих проблем, проведению дальнейших реформ судебной системы в России.

ABSTRACT

The article analyzes the reform of the judicial system in Russia and its consequences. The main stages of judicial reform are highlighted, their assessment is given. The main achievements and problems existing in the sphere of judicial power that require further solutions are identified. Among the obvious successes, one can answer the increase in the efficiency of judicial disputes; the introduction of modern information technologies that facilitate and simplify access to judicial resources, procedural actions; the emergence of separate appeal and cassation courts, which have become an additional guarantee of the right to appeal court decisions. Currently, there are also quite serious obstacles on the way to building a fair, impartial and independent judiciary, the main of which are the opaque process of passing judicial candidates through the Personnel Commission under the President of the Russian Federation; excessive influence of the President on the formation of the composition of judges of the Supreme and Constitutional Courts; insufficient implementation of the principle of adversarial parties. The presence of shortcomings is also confirmed by public sentiment - the low level of trust of citizens in the activities of the courts. However, currently there are specific projects of various organizations to solve existing problems and carry out further reforms of the judicial system in Russia

Ключевые слова: судебная реформа, судебная власть, информатизация правосудия, независимость суда, участие граждан в отправлении правосудия, одобрение деятельности.

Keywords: judicial reform, judicial power, informatization of justice, independence of the court, participation of citizens in the administration of justice, approval of activities.

Создание эффективной, справедливой и честной, открытой и прозрачной, независимой и доступной судебной системы является одной из важнейших задач государства в современном мире, поскольку такая система способствует гармонизации общественных отношений, эволюционному развитию государства и общества, устойчивому экономическому росту, обеспечивает реальную защиту прав и свобод граждан, собственности, общественного порядка и общественной безопасности, окружающей среды, конституционного строя Российской Федерации.

Судебная власть занимает ключевое место в системе правоохранительных органов, а также имеет статус самостоятельной ветви власти в соответствии со ст. 10 Конституции Российской Федерации, что подчеркивает ее особое место и роль в правоохранительной деятельности, а также определяет необходимость совершенствования судебной системы [1][2].

Начало современного этапа судебной реформы в России принято связывать с объединением Верховного и Высшего арбитражного судов в 2014 году, однако следует отметить также, что одним из нормативных актов, определившим направление дальнейшего реформирования судебной системы стала федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы», утвержденная постановлением Правительства Российской Федерации № 1406 от 27 декабря 2012 г. [3]. В данной концепции большое внимание уделено материально-техническому совершенствованию деятельности суда, а также внедрению современных цифровых технологий, информатизации судебной системы. Помимо этого, в качестве задач были

определены: обеспечение открытости и доступности правосудия; создание необходимых условий для осуществления правосудия; обеспечение независимости судебной власти; построение эффективной системы исполнительного производства, повышение открытости и доступности системы принудительного исполнения; модернизация судебно-экспертной деятельности, осуществляемой государственными судебно-экспертными учреждениями Министерства юстиции Российской Федерации.

Стоит отметить некоторые успехи реализации данной программы, которые связаны прежде всего с информатизацией судебной системы и внедрению современных цифровых технологий. Как отмечает Вячеслав Михайлович Лебедев: «Количество посещений Интернет-сайта Верховного Суда РФ в текущем году превысило 10 млн. запросов ... В этом году более 3 млн. процессуальных документов поданы в суды в электронном виде, а количество обращений пользователей к ГАС «Правосудие» превысило 2,5 млрд. запросов. Более 300 тыс. судебных заседаний проведены с использованием видеоконференц-связи. Кроме того, проведено свыше 10 тыс. сеансов видеоконференц-связи в целях дистанционного повышения квалификации судей и проведения совещаний по вопросам правоприменения» [4]. Эти показатели, безусловно, отражают востребованность и актуальность проводимых изменений и являются положительной стороной преобразований. Эффективность российской судебной системы по данным показателям была отмечена также и зарубежными исследователями [5].

Однако вместе с тем недостаточными являются усилия по реализации задачи повышения независимости суда, что остается нерешенной проблемой российского правосудия [6], что также отмечается и Советом Европы [7].

Не менее важным недостатком реализации ФЦП «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы» являются угрозы, которые несет в себе информатизация правосудия: потеря человеческого и символического облика правосудия, дегуманизация суда, недостатки, сопутствующие применению

видеоконференц-связи, несоблюдение принципов правосудия, усложнение обеспечения сохранения конфиденциальности и другие [8].

Пожалуй, самым ярким событием судебной реформы в России стало объединение Верховного и Высшего арбитражного судов в 2014 году. Объединение было осуществлено масштабными законодательными изменениями: Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»; Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 4-ФКЗ «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон „О судебной системе Российской Федерации“»; Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном суде Российской Федерации»; Федеральный закон от 05.02.2014 № 16-ФЗ «О порядке отбора кандидатов в первоначальный состав Верховного суда Российской Федерации, образованного в соответствии с Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации „О Верховном суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации“».

Основной смысл реформы состоял в обеспечении единообразной судебной практики, устранении разногласий между высшими судебными инстанциями по одним и тем же правовым ситуациям, что и было успешно реализовано. В целом, как отмечают исследователи, не произошло значительного снижения качества судебных решений, однако, по коммерческим спорам качество среднее, по интеллектуальным оно невысокое, что является, безусловно, негативной стороной. В сравнении с Высшим Арбитражным Судом правотворческая активность Коллегии по экономическим спорам в целом ниже. Негативным эффектом также является «околонулевая» активность надзорной инстанции в сфере экономического правосудия, которая состоит преимущественно из судей уголовно- и административно-правовой специализации. С 6 августа 2015 года по 31 декабря 2016 года Президиум ВС рассмотрел всего 4 таких дела [9].

Таким образом, данное изменение повлекло как очевидные положительные последствия для судебной системы, но в то же время обладает

рядом негативных черт, что делает объединение Верховного и Высшего арбитражного судов противоречивым решением.

Следующим важнейшим этапом реформирования судебной системы России стали изменения, произошедшие в 2019 году, тогда были созданы новые апелляционные и кассационные суды общей юрисдикции, а также внесены изменения в процессуальное законодательство, которые затронули все основные кодексы - АПК, ГПК, УПК и КАС.

Создание апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, введение принципа сплошной кассации в целом благоприятно отразилось на обеспечении права на обжалование судебных решений, а также на возможности исправления судебных ошибок [10]. Так, например, Председателем Верховного Суда России по итогам 2019 года было отмечено: «Результаты работы кассационных судов общей юрисдикции за четыре месяца свидетельствуют о том, что введение института сплошной кассации позволило повысить эффективность кассационного правосудия. По гражданским делам удовлетворены 14% жалоб – в три раза больше, чем в первом полугодии 2019 г., когда суды областного звена в порядке выборочной кассации удовлетворили 5% жалоб, а в порядке административного судопроизводства удовлетворено 17% жалоб – в четыре раза больше, чем в первом полугодии 2019 г., когда суды областного уровня удовлетворили 4% жалоб. В уголовном судопроизводстве по правилам сплошной кассации удовлетворено 38% жалоб.» [11].

Таким образом, проведенные преобразования оказали общий положительный эффект, однако часть недостатков, которые реформа судебной системы в России не затронула, либо им не было уделено достаточно внимания, все еще требуют дальнейших решений.

Основной такой проблемой остается недостаточное обеспечение независимости судебной ветви власти прежде всего из-за влияния на нее исполнительной власти. Данная проблема существует на всех этапах - от назначения судьи (которые проходят через «фильтр» Комиссии при Президенте Российской Федерации по предварительному рассмотрению кандидатур на

должности судей федеральных судов), а также в течение деятельности (например, через механизм привлечения судей к ответственности).

Достаточно слабым видится и положение защитника в уголовном процессе, что говорит о недостаточности реализации прежде всего процессуальных гарантий функционирования принципа состязательности и равенства сторон. Отмечается политизация правосудия [12].

Помимо того, остается и проблема коррупции в судебной системе, использования служебного положения в целях влияния на решения судьи, процедура привлечения к ответственности в данном случае остается недостаточно открытой, а роль общественного контроля недостаточной [13].

Негативное влияние оказали также и изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году: сокращение численности судей Конституционного суда России, а также право Президента Российской Федерации инициировать прекращение полномочий председателей, их заместителей и судей высших судов страны, кассационных и апелляционных судов, что ослабляет принципы независимости и несменяемости судей.

Проблемой остается также и высокая загруженность судей, что говорит о необходимости проведения дальнейшей оптимизации судебной нагрузки [14].

Также, сохраняется достаточно низкое доверие судебной власти со стороны общества: согласно опросам ВЦИОМ одобрение деятельности судебной системы в 2021 году колеблется в пределах 33-36.7%, а неодобрение в пределах 38.2-44.2%, что говорит о преимущественно негативном отношении граждан к данному общественному институту и ярко свидетельствует о необходимости проведения дальнейших реформ [15].

Исходя из вышесказанного, логично предположить, что основным направлением дальнейших преобразований должно стать повышение самостоятельности и независимости суда, что может быть обеспечено изменением порядка назначения судей (сокращением влияния представителей исполнительной власти на этом этапе и повышением роли органов судейского сообщества, адвокатуры и общественных деятелей, повышением гласности и

открытости деятельности Кадровой комиссии при Президенте РФ), изменением требований к судьям, расширением судебного контроля.

Увеличение уровня открытости и гласности, участия граждан в отправлении правосудия также окажет положительный эффект как на качество судебных решений, так и на уровень доверия граждан. Например, заслуживает расширения список дел о преступлениях, которые могут быть рассмотрены присяжными заседателями.

Стоит отметить, что подобные и иные предложения в настоящее время уже были разработаны различными организациями и проектами, среди них: Комитет гражданских инициатив (Проект «Судебная система России: предложения по реформированию») [16], Проект «Реформум» (Задачи и перспективы судебной реформы в России) [17], проект Центра стратегических разработок (Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации) [18]. Эти и другие проекты заслуживают рассмотрения и использования при дальнейшем совершенствовании суда в России.

Список литературы

1 Конституция Российской Федерации (с гимном России). — Москва : Проспект, 2021. — 64 с.

2 Р. Ж. Келдибеков К вопросу об отнесении судов и прокуратуры к правоохранительным органам // Universum: экономика и юриспруденция. 2016. №4 (25).

3 Постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2012 г. № 1406 О федеральной целевой программе «Развитие судебной системы России на 2013 - 2024 годы» [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102088054&backlink=1&nd=102162740> (дата обращения: 14.12.2021)

4 Выступление Вячеслава Михайловича Лебедева на Совещании Председателей Верховных Судов государств-членов ШОС 24 сентября 2021 г.

5 РАПСИ: Судебная система России признана наиболее эффективной и экономной в Европе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20201103/306468156.html (дата обращения: 15.12.2021)

6 Выступление профессора Т.Г.Морщаковой на Вторых Сенатских чтениях [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Reading/Pages/Performance.aspx>

7 Пока судебная система РФ не станет более независимой, сомнения в ее эффективности останутся [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://www.coe.int/ru/web/commissioner/-/poka-sudebnaa-sistema-rf-ne-stanet-bolee-nezavisimoy-somnenia-v-ee-effektivnosti-ostanutsa> (дата обращения: 15.12.2021)

8 В.В. Момотов Российская судебная власть в условиях пандемии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://www.unodc.org/dohadeclaration/ru/news/2021/06/the-russian-judiciary-in-the-pandemic.html> (дата обращения: 15.12.2021)

9 Барышников П.С., Ворожевич А.С., Загорулько Л.П., Захарова М.В., Кашанин А.В., Козырева А.Б., Красноженов Г.Г., Малов Д.В., Морев Д.В., Посулихина Н.С., Третьяков С.В., Чураков В.Д После ВАС: российское экономическое правосудие сегодня и завтра – М., 2015. - 720 с.

10 Ю. А. Патенкова "процессуальная революция" в суде кассационной инстанции: проблемы и перспективы // Вопросы российской юстиции. 2020. №7.

11 Председатель Верховного Суда России подвел итоги деятельности судебной системы в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28750/. (дата обращения: 17.12.2021)

12 Кондрашев А.А. Проблемы реализации принципа независимости судей в России: от теории к правоприменительной практике // Актуальные проблемы российского права. 2015. №8.

13 Учайкина Е.А Коррупция в Судебной Системе Российской Федерации // Право и правосудие в современном мире, Ч.1 – СПб., 2018. - 488 с.

14 Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная власть в современном обществе» Суд в современном мире: независимость, эффективность, ответственность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <http://www.ssrf.ru/news/lienta-novostiei/39437> (дата обращения: 17.12.2021)

15 ВЦИОМ: Деятельность общественных институтов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – https://www.vsrfr.ru/press_center/news/28750/. (дата обращения: 17.12.2021)

16 Комитет гражданских инициатив Судебная система России: предложения по реформированию [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://komitetgi.ru/projects/2247/> (дата обращения: 17.12.2021)

17 Реформум: Задачи и перспективы судебной реформы в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – <https://reforum.io/contents/uploads/2021/02/sud-reforum.pdf> (дата обращения: 17.12.2021)

18 Бочаров Т. Ю., Волков В. В., Воскобитова Л. А., Дмитриева А. В., Смола А. А., Титаев К. Д., Цветков И. В. Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – https://enforce.spb.ru/images/Products/reports/Report_Justice_System_Preview.pdf (дата обращения: 17.12.2021)

УДК 343.137.9

ГРНТИ 10.79.41

**ПРИМЕНЕНИЕ МЕДИАЦИИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ
УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ**

Исмаилов Дмитрий Альбертович

студент 3 курса

Тольяттинского государственного университета,

г. Тольятти

ismaskoldismaskold@yandex.ru

Мурузиди Алексей Викторович

старший преподаватель кафедры

Тольяттинского государственного университета,

г. Тольятти

muruzidi72@mail.ru

**APPLICATION OF MEDIATION IN THE ACTIVITIES OF DISTRICT
POLICE COMMISSIONERS**

Ismailov Dmitry Albertovich

3rd year student

Togliatti State University

Togliatti

Muruzidi Alexey Viktorovich

senior lecturer of the department

Togliatti State University

Togliatti

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению медиации и ее применению в деятельности участковых уполномоченных полиции. Цель данной статьи – изучение медиации, как метода разрешения споров и разногласий в уголовном процессе. Медиация в настоящее время применяется только в гражданско-правовой сфере, а также для урегулирования конфликтных ситуаций между несовершеннолетними. Вместе с тем, нами предлагается обратить внимание на применение медиации в уголовном процессе, что можно рассмотреть не как альтернативу уголовному наказанию, а как дополнительную возможность государства защитить права и свободы конкретной личности. В научной работе авторами проведен анализ истории возникновения и применения медиации в международном праве зарубежных странах, а также действующего законодательства относящегося к теме исследования. Проанализировав сложившуюся практику в Европейских странах и в Российской Федерации, можно сделать вывод о существовании в ней нескольких общих моментов, таких как добровольность сторон, надзор со стороны прокурора, а также окончательность принятия решения в суде. Медиацию в Российской Федерации применяют по уголовным делам небольшой или средней тяжести, а также по тяжким преступлениям, совершенным впервые. Зачастую преступления такой категории совершаются в быту и по неосторожности. Раскрытием и расследованием указанной категории преступлений в Российской Федерации, занимается служба участковых уполномоченных органов внутренних дел, одной из задач которой является проверка сообщения или заявления от потерпевшего. В ряде случаев, жертва и подозреваемый имеют желание примириться друг с другом и договориться, но закон не позволяет это сделать без возбуждения уголовного дела и направления его в суд. Результатом нашего исследования стало законодательное предложение о правовой регламентации процесса медиации.

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of mediation and its application in the activities of district police commissioners. The purpose of this article is to study mediation as a method of resolving disputes and disagreements in criminal proceedings. Mediation is currently used only in the civil law sphere, as well as for the settlement of conflict situations between minors. At the same time, we propose to pay attention to the use of mediation in criminal proceedings, which can be considered not as an alternative to criminal punishment, but as an additional opportunity for the state to protect the rights and freedoms of a particular individual. In the scientific work, the authors analyzed the history of the emergence and application of mediation in international law in foreign countries, as well as current legislation related to the research topic. Having analyzed the established practice in European countries and in the Russian Federation, it can be concluded that there are several common points in it, such as the voluntary nature of the parties, supervision by the prosecutor, as well as the finality of the decision in court. Mediation in the Russian Federation is used in criminal cases of small or medium gravity, as well as in serious crimes committed for the first time. Often crimes of this category are committed in everyday life and by negligence. The disclosure and investigation of this category of crimes in the Russian Federation is handled by the service of the district authorized bodies of internal affairs, one of the tasks of which is to verify the message or statement from the victim. In some cases, the victim and the suspect have a desire to reconcile with each other and come to an agreement, but the law does not allow this to be done without initiating a criminal case and sending it to court. The result of our research was a legislative proposal on the legal regulation of the mediation process.

Ключевые слова: медиация; уголовный процесс; участковый уполномоченный полиции; разрешение споров; примирительные процедуры; доследственная проверка; органы внутренних дел; орган дознания; судопроизводство; защита прав

Key words: mediation; criminal proceedings; district police commissioner; dispute resolution; conciliation procedures; pre-investigation check; internal affairs bodies; body of inquiry; judicial proceedings; protection of rights

Примирительные процедуры в настоящее время являются перспективными не только в области гражданско-правовых отношений, но и в области уголовно-правовых, в качестве эффективного способа профилактики и противодействия преступности, особенно бытовой и несовершеннолетней [5, 96-98].

Медиация – это правовой институт и метод альтернативного разрешения споров и конфликтов. Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» от 27 июля 2010 г. устанавливает, что процедура медиации представляет собой «способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [2].

Применяется пока она в России только при разрешении гражданско-правовых споров и при назначении наказания несовершеннолетним [6, 26-29].

Основной проблемой внедрения медиации в уголовно-процессуальное право является то, что закон рассматривает преступление как противоправное деяние, посягающее на общественные интересы, охраняемые государством.

Восстановительное же правосудие рассматривает преступление как противоправное деяние, совершенное в отношении конкретного человека, поскольку оно смотрит на преступление сквозь призму частноправового конфликта [7, 81-83].

Естественно, медиацию необходимо рассматривать не как альтернативу уголовному наказанию, а как дополнительную возможность государства защитить права и свободы конкретной личности. В нашем случае – как защиту прав и свобод потерпевшего от преступления. В Рамочном решении Совета Европейского Союза от 15 марта 2001 г. закреплена возможность «поиска, до или

во время уголовного процесса, решения путём переговоров между потерпевшим и правонарушителем, при посредничестве компетентного лица». К тому же, существует Рекомендация, принятая Комитетом Министров Совета Европы, регламентирующая порядок проведения медиации в уголовных делах.

Процесс медиации начал развиваться с Древней Греции, начиная с кодекса Юстиниана. В данном кодексе уже имелись начальные задатки возникновения медиации. Так, использовались посредники для разрешения конфликтных ситуаций. В современном понимании процесс и институт медиации начал развиваться во второй половине XX столетия изначально в США, Австрии и Великобритании. В ходе данного развития началось последующее распространение также и в Европейских странах. Ранее применение медиации рассматривался как принцип, который затрагивал споры в области семейных отношений.

Рассмотрим международную практику применения медиации. Так, судебная практика в США ориентирована на то, чтобы множество споров и конфликтов решались взаимно обеими сторонами до судебного вмешательства, но судья также может в пределах своей юрисдикции прервать судебное производство и посоветовать сторонам обратиться к медиаторам. Медиация находит свое широкое применение в сфере бизнеса, политики и экономики [8, 376-379].

Обратимся к практике Европейских стран. В Германии медиация достаточно широко встроена в систему правосудия. Например, посредники работают непосредственно в судах, тем самым сокращая количество потенциальных судебных исков.

Сегодня медиация интегрирована в немецкие суды не только по семейным делам, но и в суды общей юрисдикции, административные суды и т.д. Однако профессия «медиатор» официально не признается отдельной профессией во всех странах. Чаще всего она рассматривается как специальность в дополнение к основной профессии. Процедура примирения с участием нейтрального посредника очень популярна в Великобритании. Даже существует специальная

служба горячая линия, куда можно обратиться, описать конфликт, и после этого предложат целый список специалистов, подходящих по требованиям. В плане обязательности процедуры, Великобритания пошла на компромиссный вариант: если одна из сторон отказывается от предложенной судом процедуры медиации, она должна нести все судебные издержки, даже если выиграла дело.

В Австрии профессия «медиатор» относится к одной из ведущих юридической профессий, которая имеет также законодательное закрепление в виде федерального закона. В соответствии с действующим в Австрии Федеральным законом «О медиации», законодателем в разделе 4 регулируются права и обязанности медиаторов, а также устанавливаются определенные нормативы подготовки. Следует отметить, что австрийское законодательство предусматривает, что медиативное соглашение, которое было заключено в процессе судебного производства, может признаваться только судом, в то время, как результат досудебной медиации судебной защиты не получает.

В Индии те соглашения, которые были достигнуты в ходе использования института медиации, имеют равную юридическую силу с третейскими решениями, вне зависимости от того, была ли применена данная процедура в рамках уже имеющегося судопроизводства или нет.

В нашей стране до 2010 года понятия медиации вообще не существовало, и лишь в 2010 году был принят Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника», но применяется данный нормативно-правовой акт только в гражданском процессе, а также в отношении несовершеннолетних.

Медиация в российских школах появилась как одна из частей восстановительного правосудия: если ребенок совершает правонарушение, то с ним и с пострадавшей стороной работает определенное должностное лицо – медиатор, который договаривается о возмещении ущерба, не прибегая тем самым к карательным мерам. Посредством медиации стороны могут урегулировать возникший между ними конфликт, определив условия, их

удовлетворяющие, в том числе, установив размер компенсации и действий, которые должен совершить причиняющий вреда [4, 32].

Необходимо отметить, что медиация, по сравнению с судебным способом разрешения конфликта имеет ряд преимуществ: возможность назначения судом более мягкого наказания, возможность сторон самостоятельно принимать решение, возможность «выйти за рамки», т.е. установить такие условия, которые в решении суда установить невозможно, однако при соблюдении которых интересы потерпевшего будут удовлетворены (например, извинение перед родственниками, дополнительное обязательство со стороны субъекта преступления совершить какие-либо действия).

Деятельность применения медиации в отношении несовершеннолетних регулируется непосредственно Распоряжением от 30 июля 2014 г. «Концепция развития до 2017 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность в Российской Федерации», который определяет особенность подхода [3].

Медиативное соглашение в уголовном процессе можно было бы считать одним из оснований прекращения уголовного преследования или в качестве повода для отказа в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела. Предпосылки для внедрения медиации в уголовный процесс есть в положении статьи 25 УПК РФ, которая предусматривает прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон [1].

Медиацию применяют по уголовным делам небольшой или средней тяжести, а также по тяжким преступлениям, совершенным впервые. Процедура применения медиации в разных странах разная, но есть и общие моменты – согласие сторон должно быть добровольным, надзор прокурора, окончательное решение принимается в суде. К тому же медиация является основанием для прекращения уголовного дела и уголовного преследования, к тому же после

применения процедуры медиации у совершившего преступление отсутствует судимость.

Расследованием и раскрытием не тяжких преступлений и преступлений средней тяжести, согласно статьи 151 УПК РФ занимаются органы дознания. Обычно это преступления, совершенные в быту, или преступления, совершенные в ситуации очевидности.

Чаще всего раскрытием таких преступлений занимается служба участковых уполномоченных полиции. Упомянутая служба в основном производит и доследственную проверку. Уже в ходе неё жертва и подозреваемый начинают примеряться между собой и пытаются договориться, но закон не позволяет это сделать без возбуждения уголовного дела и направления его в суд.

Поэтому потерпевший нередко, договорившись с правонарушителем в частном порядке, отказывается от ранее поданного заявления. Именно в ходе проверки, осуществляемой участковым уполномоченным полиции, можно было бы решать вопрос о применении медиации, естественно, под надзором прокурора.

Для этого в Приказе, регламентирующем деятельность участкового уполномоченного полиции, нами предлагается возможность закрепить такую возможность и прописать порядок действий в случае согласия сторон на её применение. В статье 5 УПК РФ закрепить понятие медиации в уголовном процессе, в статье 24 УПК РФ прописать договор медиации как основание для отказа в возбуждении уголовного дела.

В заключении нашего исследования сделаем вывод о том, что институт медиации в Российской Федерации необходим. Это даст дополнительную возможность для лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, не получать судимость, возместить причиненный вред как организации, так и потерпевшему.

Список литературы

Нормативно-правовые акты:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. - № 52 (ч. I). - ст. 4921.
2. Федеральный закон "Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)" от 27.07.2010 N 193-ФЗ.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30.07.2014 г. № 1430-р.

Научная литература:

4. Арутюнян А.А. Медиация в уголовном процессе. Автореферат. Дисс. К.ю.н. М., 2012. – 155 с.
5. Баранова М.А. Становление института медиации в уголовном процессе РФ. Сборник статей IV Международной научно-практической конференции. Издательство: «Наука и Просвещение». 2019 г. – 135 с.
6. Гаврицкий А.В. Возможности медиации в уголовном процессе. Мировой судья. 2019. № 7. – 126 с.
7. Панов А.В. Медиация в уголовном процессе. Студенческий форум. 2019. № 2 (53). – 153 с.
8. Сквишдлевская Э.В. Модели медиации в уголовном процессе зарубежных стран: сравнительная характеристика. В сборнике: Право, общество, государство: проблемы теории и истории, сборник статей Всероссийской студенческой научной конференции. Российский университет дружбы народов. 2017. – 379 с.

САМОЗАЩИТА КАК ОДНА ИЗ ФОРМ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИНТЕРЕСОВ

Неверов Алексей Яковлевич

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации, Курганский филиал, заведующий кафедрой,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: neverov.aya@kurg.ranepa.ru*

Колесникова Яна Андреевна

*магистрант кафедры государственного права, ФГБОУ ВО «Курганский
государственный университет», Институт экономики и права
E-mail: ynika@mail.ru*

SELF-DEFENSE AS ONE OF THE FORMS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS AND INTERESTS

Alexey Y. Neverov

*Russian Academy of National Economy and Public Administration under the
President of the Russian Federation, Kurgan Branch, Head of the Department,
Candidate of Law, Associate Professor*

Yana A. Kolesnikova

*Master's Student of the Department of Public Law, Kurgan State University,
Institute of Economics and Law*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные аспекты самозащиты как одной из форм защиты гражданских прав и интересов. Исследованы правовое регулирование и особенности самозащиты гражданских прав. Сегодня тема самозащиты гражданских прав является достаточно актуальной, что обусловлено рядом причин: во-первых, проблема самозащиты гражданских прав носит дискуссионный характер; во-вторых, данный правовой институт является относительно новым и был закреплен на законодательном уровне в части первой Гражданского кодекса Российской Федерации 1994 г.; в-третьих, возникает необходимость уточнения специфики данной сферы, а также определения того, чем самозащита отличается от других самостоятельных действий, направленных на реализацию прав граждан.

Российская Федерация, согласно положениям Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г., является правовым государством, в котором высшую ценность составляют права и свободы человека и гражданина, Россия обязалась признавать, соблюдать и защищать ранее названные ценности. Несмотря на принятые обязательства, отечественное государство, осознавая сложный характер реализации защитных мероприятий (в частности при необходимости оперативного реагирования на нарушение), установило допустимость самозащиты заинтересованным субъектом своих прав и интересов при неэффективности ожидания публичной реакции на деликт.

ABSTRACT

The article examines the main aspects of self-defense as one of the forms of protecting civil rights and interests. The legal regulation and features of self-defense of civil rights are investigated. Today, the topic of self-defense of civil rights is quite relevant, which is due to a number of reasons: first, the problem of self-defense of civil rights is controversial; secondly, this legal institution is relatively new and was enshrined at the legislative level in part one of the 1994 Civil Code of the Russian Federation; thirdly, there is a need to clarify the specifics of this area, as well as to

determine how self-defense differs from other independent actions aimed at realizing the rights of citizens.

The Russian Federation, according to the provisions of the Constitution of the Russian Federation of December 12, 1993, is a state governed by the rule of law, in which the highest value is the rights and freedoms of man and citizen, Russia has undertaken to recognize, observe and protect the previously named values. Despite the obligations assumed, the domestic state, realizing the complex nature of the implementation of protective measures (in particular, if it is necessary to respond promptly to a violation), established the admissibility of self-defense by the interested subject of their rights and interests with the ineffectiveness of waiting for a public reaction to the tort.

Ключевые слова: самозащита гражданских прав, права и свободы гражданина, формы защиты, признаки самозащиты, юридическая природа самозащиты

Keywords: self-defense of civil rights, rights and freedoms of a citizen, forms of protection, signs of self-defense, the legal nature of self-defense

Конституционное закрепление механизма защиты прав человека соответствует содержанию международно-правовых документов. Их основная суть заключается в том, что каждый имеет различные возможности для правовой защиты своих прав. Поскольку защита прав — это конституционная обязанность государства, следует рассмотреть это понятие.

Так, согласно части 2 статьи 45 Конституции РФ [1] каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Положения основного закона нашей страны конкретизируются отраслевым законодательством, самозащита права предусмотрена различными нормативно-правовыми актами в качестве одного из способов защиты прав и законных интересов (к примеру, в гражданском праве, уголовном праве, трудовом праве и так далее).

Гражданское право [2], несомненно, обладает необходимым арсеналом средств для обеспечения защиты разноуровневых интересов качественно различными способами.

В специальной юридической литературе присутствует значительное количество определений понятия «самозащита» [3], данный факт опосредован тем, что самозащита права является межотраслевым институтом, и как говорилось ранее закреплено в качестве способа защиты в различных отраслях права. В Гражданском кодексе Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ [2] вопросам самозащиты гражданских прав посвящены статьи 12 и 14, согласно которым законодателем самозащита определяется как один из способов защиты гражданских прав, который в свою очередь имеет свои способы и пределы правомерности.

При совместном анализе статей ГК РФ обнаруживается противоречие и конфликтность положений, которая заключается в неоднозначном толковании сущности и правовой природы самозащиты гражданских прав (способ, имеющий свои способы).

Стоит отметить, что основные положения о самозащите прав граждан впервые законодательно закреплены в статье 14 Гражданского кодекса Российской Федерации [2]. При этом кодекс не раскрывает понятия этого явления, а лишь закрепляет условия, при которых гражданин имеет право применения института самозащиты. К таким условиям относят следующее:

- 1) нарушение конкретного гражданского права или возможности его нарушения;
- 2) необходимость пресечь это нарушение;
- 3) принятие мер, не противоречащих характеру и содержанию правонарушения.

Важно подчеркнуть, что представленные условия применения самозащиты должны выполняться комплексно.

Как уже было отмечено выше, законодательное определение понятия «самозащита гражданских прав» в ГК РФ отсутствует [2], наряду с этим и в

юридической среде возникают дискуссии между различными исследователями касаясь данного вопроса.

Аналогичные коллизии и спорность положений наблюдается в доктрине гражданского права, не смотря на то, что концепция самозащиты является развитым положением, среди авторов присутствует плюрализм мнений относительно ее правовой природы, состава, причем наработки исследователей не ограничиваются категорией «способ защиты», имеются позиции широкого рассмотрения самозащиты в качестве формы защиты гражданских прав (множественность позиций опосредована спорами относительно места самозащиты в советской школе гражданского права).

В общем виде на современном этапе развития гражданского права концепция самозащиты заключается в выделении двух ключевых взглядов: легальная позиция (самозащита, как способ защиты гражданских прав по ГК РФ) [2], расширенное понимание (самозащита, как неюрисдикционная форма защиты гражданских прав).

Опираясь на научные труды, обозначим основные точки зрения, раскрывающие правовую природу понятия «самозащита гражданских прав» (табл.1).

Таблица 1. Основные подходы авторов к сущности понятия «самозащита»

Автор	Трактовка понятия «самозащита»
С.Н. Веретенникова	Самозащита – это индивидуальное волевое действие как физических, так и юридических лиц, в отношении которых были совершены правонарушения или была создана реальная угроза такого нарушения, направленное на защиту гражданских прав и охраняемых законом интересов, учитывая при этом соблюдение предусмотренных законом пределов ее правомерности [4, с. 15]

Е.А. Суханов	Самозащита – это совершение управомоченным лицом не запрещенных законом действий фактического порядка, направленных на охрану его личных или имущественных прав или интересов, интересов и прав других лиц и государств [6, с. 5]
А.В. Малько	Самозащита – это межотраслевой институт российского права, не предусматривающий исчерпывающего перечня фактических деяний, его составляющих [7, с.115]
А.П. Сергеев	Самозащита – это комплекс внутренне согласованных организационных мероприятий по защите субъективных прав и охраняемых законом интересов [5, с. 219]

Анализ различных источников литературы показал, что в научной среде также возникает вопрос: «Стоит ли относить самозащиту к самостоятельной форме защиты гражданских прав?»

С одной стороны, ряд авторов, таких как Г.А. Свердлык и Э.Л. Страунинг, утверждают, что самозащита допустима тогда, когда пострадавший может оказать законное влияние на нарушителя своих прав, не прибегая к помощи компетентных органов. Поэтому исследователи считают самозащиту самостоятельной формой защиты неприкосновенности прав и свобод граждан [9].

С другой стороны, специалисты имеют точку зрения, что самозащиту интересов субъектов гражданских правоотношений следует исключить из перечня способов защиты, так как она им не соответствует.

Для обеспечения физических лиц правом на применение самозащиты следует разобраться в том, какова же юридическая природа самозащиты гражданских прав?

Так, под самозащитой понимается неюрисдикционная форма защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов, осуществляемая

управомоченным лицом без обращения в компетентные органы. Субъект сам вправе осуществлять своё право на самозащиту гражданских прав и охраняемых законом личных интересов с возможностью привлечения третьих лиц – в этом и заключаются основные отличительные черты самозащиты [8, с. 60].

Обобщая вышеизложенное, а также опираясь на анализ российского законодательства и научной литературы, мы пришли к выводу о том, что сложность такого явления, как самозащита, состоит в том, что, в первую очередь, нет юридически закреплённой формулировки понятия «самозащита гражданских прав»; в то же время не существует конкретного ограничительного перечня способов самозащиты, то есть на сегодняшний день они неизвестны действующей правовой системе и могут найти свое выражение с дальнейшим развитием права, в противовес ряду других стран, где самозащита строго ограничена и осуществляется только в случаях, предусмотренных законодательными актами этих территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 10.12.2021).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.12.2020). - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 10.12.2021).

3. Баширина Е.Н. Особенности политической систем российского общества/ автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук / Башкирский государственный университет. Уфа, 2011. С. 21.

4. Веретенникова С.Н. Меры самозащиты в российском гражданском праве: автореф. дис. канд. юр. наук. – Екатеринбург: Уральск. гос. юрид. академия. - 2004. – С. 20.
5. Демихова А.А. Проблемы самозащиты гражданских прав в гражданском праве / А.А. Демихова // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее. – 2017. – С. 218 – 221.
6. Дудырин Д.С. Самозащита в гражданском праве / Д.С. Дудырин, Е.А. Плешков, Н.И. Уздимаева, Е.В. Шувалова // Контентус. – 2017. – С. 1 – 13.
7. Малько А.В. Права, свободы и законные интересы: проблемы юридического обеспечения / А.В. Малько, В.В. Субочев, А.М. Шериев. - М.: Норма, 2010. – С. 192.
8. Турнаева Н.Ф. Особенности применения института самозащиты гражданских прав / Н.Ф. Турнаева, Е.Л. Орлова // Символ науки. – 2018. - №12. – С. 60 – 61.
9. Свердлык Г.А., Страунинг Э.Л. Защита и самозащита самозащиты гражданских прав. - М.: Лекс-Книга, 2002. С. 207.

УДК 34

**ИНСТИТУТ ОТСРОЧКИ ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ
НАРКОМАНИЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ**

Васильева Татьяна Валентиновна

Доцент кафедры юриспруденции

ФГБОУ ВПО «Калужский государственный университет»

VasilyevaTV@tksu.ru

**INSTITUTE OF DELAYING THE SERVICE OF PUNISHMENT FOR A
PATIENT WITH DRUG ADDICTION IN RUSSIAN CRIMINAL LAW**

Tatyana V. Vasilyeva

Associate Professor of the Department of Jurisprudence

Kaluga State University

VasilyevaTV@tksu.ru

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется законодательная характеристика такого вида освобождения от отбывания наказания как отсрочка отбывания наказания больным наркоманией (ст. 82.1 УК РФ). Данный вид отсрочки отбывания наказания применим только при наличии определенных условий, указанных в законе, к лицам, имеющим подтвержденный диагноз «наркомания». Отсрочка отбывания наказания имеет целью стимулирование наркозависимых лиц к добровольному лечению от наркомании. Принципы гуманизма и экономии уголовной репрессии находят свое отражение в институте освобождения от

наказания, существующем в российском уголовном праве. Институт освобождения от наказания включает в себя нормы, в соответствии с которыми лицо, признанное виновным в совершении преступления, может быть освобождено от назначения наказания, либо освобождено от реального отбывания назначенного наказания, либо от дальнейшего отбывания уже частичного отбытого наказания. Основанием освобождением от наказания является утрата либо значительное уменьшение общественной опасности личности осужденного, обусловленных состоянием его здоровья либо иными обстоятельствами его жизни, в связи с чем, судом признается нецелесообразным или невозможным назначение наказания или его исполнение.

ABSTRACT

The article analyzes the legislative characteristics of the type of exemption from serving a sentence such as a postponement of serving a sentence by a drug addict (Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). This is a relatively new type of postponement of serving a sentence, applicable only under certain conditions specified in the law to persons with a confirmed diagnosis of drug addiction. This type of postponement of serving a sentence is aimed at stimulating drug addicted persons to voluntary drug addiction treatment. The principles of humanism and economy of criminal repression are reflected in the institution of exemption from punishment existing in Russian criminal law. The institution of release from punishment includes norms according to which a person found guilty of committing a crime can be released from the imposition of punishment, or released from the actual serving of the sentence imposed, or from further serving of a partial sentence already served. The reason for exemption from punishment is the loss or significant reduction of the social danger of the convicted person due to his health or other circumstances of his life, in connection with which, the court finds it inappropriate or impossible to impose punishment or its execution.

Ключевые слова: освобождение от отбывания наказания, отсрочка отбывания наказания, наркомания, медицинская реабилитация, социальная реабилитация, отмена отсрочки отбывания наказания.

Keywords: release from serving a sentence, postponement of serving a sentence, drug addiction, medical rehabilitation, social rehabilitation, cancellation of postponement of serving a sentence.

Действующий Уголовный кодекс Российской Федерации предусматривает разные виды освобождения от наказания (ст. ст. 79 – 83, ст. 84 – 85, ст. 92- 93 УК РФ). Федеральным законом от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ в Уголовном кодексе Российской Федерации была закреплена статья 82.1 «Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией». Институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией носит межотраслевой характер, поскольку нормы, его регламентирующие, закреплены не только в Уголовном кодексе РФ, но и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (ст. ст. 396, 397, 398, 399), Уголовно-исполнительном кодексе РФ (ст. 178.1)

Появление данного вида освобождения от отбывания наказания в отечественном законодательстве было обусловлено значительным увеличением в последние десятилетия числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, совершенных лицами, многие из которых являются их потребителями и страдают наркотической зависимостью. По данным статистики в 2020 г. зарегистрировано 189 905 преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, из них 113 193 – преступления, предусмотренные ст. 228.1 УК РФ; 290 тыс. лиц привлечены к уголовной ответственности, из них 200 000 – наркопотребители. [1] Возможность получить отсрочку отбывания наказания призвана стимулировать добровольное лечение лиц, больных наркоманией.

В качестве основания применения данного вида отсрочки отбывания наказания закон признает факт добровольного желания осужденного пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию,

что потенциально снижает риск повторного совершения им преступления, а значит потенциально снижает степень его общественной опасности.

В соответствии с п. 4 ч.1 ст. 398 УПК РФ суд может принять решение об отсрочке отбывания наказания по результатам судебного разбирательства дела по существу в рамках судебного производства по уголовному делу, а также в порядке исполнения судебного приговора.

Как отмечает С.В. Габеев, несмотря на внесенные изменения в ст. 82.1 УК РФ в 2013 г., 2016 г., отсрочка отбывания наказания больным наркоманией в судебной практике реализуется не в полной мере, что возможно связано с законодательным несовершенством данного института. [2] По данным судебной статистики, в 2017 г. 100 чел. были освобождены от отбывания наказания с применением ст. 82.1 УК РФ, в 2019 г. – 65 чел., в 2019 г. – 50 чел.[3]

Данный вид освобождения от отбывания наказания не является безусловным. Его применение связано с наличием ряда обязательных обстоятельств, которые должны быть учтены судом при принятии положительного решения о применении к осужденному отсрочки отбывания наказания.

Во-первых, данный вид освобождения от наказания применим в отношении ограниченного круга лиц - только в отношении лиц, которым впервые назначено наказание в виде лишения свободы. Речь идет об осуждении с реальным отбыванием назначенного срока лишения свободы впервые. Отсрочка от отбывания наказания неприменима к лицам, осужденным к лишению свободы с применением ст. 73 УК РФ, т.е. условно осужденным. Закон допускает назначение отсрочки лицам, которые ранее были судимы и отбывали наказания, альтернативные лишению свободы.

Во-вторых, законодатель ограничил применение данного вида отсрочки перечнем конкретных составов преступлений. Отсрочка отбывания наказания может быть назначена судом:

- за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а

также незаконные приобретение, хранение, перевозку растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ч. 1 ст. 228 УК РФ),

- за незаконное культивирование растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры (ч. 1 ст. 231 УК РФ),

- за незаконную выдачу либо подделку рецептов или иных документов, дающих право на получение наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ).

Невозможно применение данного вида отсрочки отбывания наказания в тех случаях, когда лицо совершило иное преступление, помимо указанных в ч. 1 ст. 82.1 УК РФ.

Нормы ст. 228 УК РФ предусматривают ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, наркосодержащих растений или их частей. Субъективная сторона всех вышеперечисленных деяний не предполагает у виновного цели сбыта, т.е. осужденный совершает деяния с наркотическими средствами, психотропными веществами, их аналогами или растениями в целях личного потребления. Можно предположить, что такое лицо имеет наркотическую зависимость и страдает наркоманией, в связи с чем, можно было бы включить ч. ч. 1, 2, 3 ст. 228 УК РФ в установленный уголовным законом перечень преступлений, при совершении которых можно назначать данную отсрочку отбывания наказания. Высказанное предложение могло бы способствовать стимулированию добровольного лечения осужденных, больных наркоманией и расширению практики применения этого института судами. В юридической литературе также высказываются предложения расширить перечень преступлений, включив в него также ст. 229, 232 УК РФ.

Еще одним условием применения судом отсрочки является факт признания в установленном порядке у виновного наличие болезни «наркомания». Закон не раскрывает, что следует понимать под установленным

порядком признания виновного больным наркоманией. В соответствии с п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (в ред. от 16.05.2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» наличие или отсутствие заболевания «наркомания» суд устанавливает на основании заключения эксперта по результатам судебно-психиатрической экспертизы, которое должно содержаться в материалах уголовного дела. Пленум Верховного Суда РФ разъяснил, что эксперт в заключении должен определить срок, необходимый для проведения лечения конкретному больному от наркотической зависимости и его реабилитации. [5]

Изложенный порядок установления наличия болезни «наркомания» у осужденного применим в случае, когда суд рассматривает дело по существу, постановляет обвинительный приговор и освобождает от отбывания наказания в порядке ст. 82.1 УК РФ.

Действующее законодательство допускает также применение отсрочки по ходатайству осужденного, уже отбывающего назначенное наказание. В соответствии с ч. 1 ст. 396 Уголовно-процессуального кодекса РФ, ходатайство осужденного об отсрочке отбывания наказания разрешается судом, постановившим обвинительный приговор. В такой ситуации не составит труда поднять уголовное дело в архиве этого суда для того, чтобы изучить заключение эксперта о признании осужденного больным наркоманией.

В случае, если осужденный отбывает наказание в месте, где отсутствует суд, постановивший приговор, его ходатайство рассматривает суд того же уровня или вышестоящего уровня по месту отбывания наказания (ч. 2 ст. 396 УПК РФ). Возникает вопрос о том, как должен поступить суд в этой ситуации – запрашивать из архива суда, постановившего приговор, материалы уголовного дела, в котором находится заключение судебно-психиатрической экспертизы, признавшее наличие у виновного заболевания наркомании или должен принимать новое решение о проведении судебно-психиатрической экспертизы?

Обязательным условием применения ст. 82.1 УК РФ закон называет желание осужденного добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию. В медицинской среде сложилось стойкое мнение о том, что только добровольное лечение от наркотической зависимости может быть эффективным.

Курс лечения от наркомании включает в себя медицинские мероприятия по детоксикации и снятию абстинентного синдрома у наркозависимого лица, купирование изменений, которые появились в его организме в результате потребления наркотических средств и психотропных веществ в условиях стационарного пребывания больного. Лечение от наркомании могут осуществлять только медицинские организации государственной и муниципальной системы здравоохранения. Как нам представляется, это сужает возможности и ограничивает права осужденных на получение медицинской помощи в частных медицинских организациях, которые часто оснащены современным оборудованием и технологиями гораздо лучше.

По утверждению И.Н. Пятницкого и А.Н. Яковлева, стационарное лечение от наркомании позволяет достичь стойкой ремиссии в течение года только у 9 - 12 % пациентов. Прохождение ими реабилитационных программ увеличивает продолжительность ремиссии у 30 %- 35 % пациентов. [6]

Медицинская реабилитация включает проведение комплекса фармакологических, физиотерапевтических, психологических мероприятий, нацеленных на подавление влечения к наркотическим средствам и психотропным веществам и обучению пациентов осознанному подавлению этого влечения. Приказом Минюста № 169 и Минздрава № 425 от 7 июля 2015 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания больным наркоманией» определено, что медицинскую реабилитацию могут осуществлять медицинские организации, получившие лицензию на оказание такой помощи [7].

Социальная реабилитация представляет собой совокупность мероприятий по восстановлению коммуникативных навыков и социально-полезных связей

осужденного, обучение его здоровому образу жизни, оказание помощи в трудоустройстве.

Продолжительность курса лечения от наркомании для каждого наркозависимого лица индивидуальна и определяется экспертами в экспертном заключении, но в процессе лечения может корректироваться лечащим врачом. Учитывая данное обстоятельство, законодатель установил минимальный и максимальный срок предоставления отсрочки – не менее двух лет стойкой ремиссии после окончания лечения, медицинской и социальной реабилитации, которая должна быть объективно подтверждена, но не более чем на пять лет.

В случае успешного прохождения курса лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации, стойкой ремиссии в течение не менее 2 лет, что подтверждено заключением врача и материалами уголовно-исполнительной инспекции, осуществлявшей контроль за соблюдением условий отсрочки и поведением осужденного, суд освобождает его от отбывания наказания или оставшейся части наказания (ч. 3 ст. 82.1 УК РФ).

Уголовный закон допускает отмену отсрочки отбывания наказания лицу, признанному больным наркоманией, и направление осужденного для реального отбывания лишения свободы в случае несоблюдения условий отсрочки. В качестве основания отмены отсрочки закон рассматривает: 1) отказ осужденного от прохождения курса лечения от наркомании либо медицинской или социальной реабилитации; 2) уклонение от прохождения лечения после предупреждения, вынесенного осужденному уголовно-исполнительной инспекцией, осуществляющей контроль за соблюдением условий отсрочки (ч.2 ст. 82.1 УК РФ).

Уголовный закон связывает отмену отсрочки с уклонением от прохождения лечения, а ч. 7 ст. 178.1 УИК РФ понятие уклонения трактует более широко и включает в качестве основания отмены не только уклонение от лечения, но и уклонение от медико-социальной реабилитации. Необходимо устранение этого противоречия в УК РФ и УИК РФ.

Следует отметить неоднозначное использование терминов в ст. 82.1 УК РФ и ст. 178.1 УИК РФ. В ч.1 и ч. 2 ст. 82.1 УК РФ законодатель в качестве условий применения отсрочки закрепляет обязательность прохождения осужденным курса лечения от наркомании, медицинской и социальной реабилитации, рассматривая их как три обязательных и отличных по своему содержанию этапов ресоциализации наркозависимого и возвращения его в социум. А в ч. 3 ст. 82.1 УК РФ и ст. 178.1 УИК РФ используется термин «медико-социальная реабилитация». Исходя из правил юридической техники, следует привести использование терминологического аппарата к единому стандарту.

Как нам представляется, институт отсрочки отбывания наказания больным наркоманией нуждается в дальнейшем совершенствовании, что будет способствовать более широкому его внедрению в судебную практику

Список литературы

1. Статистика наркомании в России 2020 – 2021 годы. – Режим доступа: <https://narcorehab.com> (Дата обращения 4.12.2021 г.)
2. Габеев С.В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: новая редакция и старые проблемы // Актуальные вопросы уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и криминалистических мер противодействия преступности, 2017, 1 (80)//. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru>article>ots>
3. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017, 2018, 2019 гг. //– Режим доступа: www.cdep.ru>sudebnaya statistika (Дата обращения 5.12.2021 г.)
4. Скобелин С.Ю. Юридическая природа и потенциал отсрочки отбывания наказания больным наркоманией // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2013, № 1 (23). С. 54
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 г. № 14 (в ред. от 16.05.2017 г.) «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными,

сильнодействующими и ядовитыми веществами» //СПС «КонсультантПлюс»
(Дата обращения 18.11.2021 г.)

6. Крупецкий Е.М. Только 3 % имеют реальную возможность излечения. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/pr..>

7. Приказ Минюста России № 169 и Минздрава России № 425 от 7 июля 2015 г. «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания больным наркоманией» :// СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения 03.11.2021 г.)

УДК 343.2

ГРНТИ 10.77.01

УБИЙСТВО ПРИ ОТЯГЧАЮЩИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ: УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ И ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Гаврилова Александра Евгеньевна

Магистрант 2 курса

Российский государственный университет правосудия,

г. Хабаровск

a.gavrilova9191@yandex.ru

MURDER UNDER AGGRAVATING CIRCUMSTANCES: CRIMINAL LAW ANALYSIS AND QUALIFICATION PROBLEMS

Alexandra E. Gavrilova

2st year Master student

Russian State University of Justice,

Khabarovsk

АННОТАЦИЯ

Жизнь человека является самым ценным благом, которое дается ему от рождения, ввиду того средства защиты этого блага должны быть наиболее весомыми и эффективными. Таковыми являются уголовно-правовые средства защиты как наиболее эффективные. Настоящее исследование посвящено важнейшему способу обеспечения права человека на жизнь в рамках уголовного права – правильная квалификация содеянного и назначение справедливого наказания виновному. В рамках данного исследования рассмотрели некоторые проблемы, возникающие при квалификации убийства с отягчающими обстоятельствами. Проведенное нами настоящее исследование

позволило сделать нам ряд выводов, исходя из анализа уголовного закона, а также судебных актов касающиеся вопрос совершения убийства при отягчающих обстоятельствах. Анализ указанных документов позволил нам выделить наиболее значимые проблемы, которые чаще всего встречаются в практической плоскости правоприменительной деятельности выведены в отдельные соответствующие выводы. Учитывался вопрос о назначении наказания и необходимости учитывать все квалифицирующие признаки по следующему принципу: чем больше в обвинении имеется квалифицирующих признаков, тем ближе размер, срок назначенного наказания должны стремиться к верхней границе наказания. Кроме того, при назначении наказания необходимо учитывать характер общественной опасности совершенного преступления, который предопределяется также и количеством вмененных квалифицирующих признаков. Резюмируя, мы заключили, что степень влияния на размер или срок наказания у квалифицирующего признака более высокая по сравнению с отягчающим наказанием обстоятельством.

ABSTRACT

Human life is the most precious good, which is given to him from birth, in view of which the means of protection of this good must be the most weighty and effective. Such are the criminal law remedies as the most effective. This study focuses on the most important way to ensure the human right to life in criminal law refers to the correct qualification of the offense and the imposition of a fair punishment on the perpetrator. As part of this study, we considered some of the problems arising in the qualification of murder with aggravating circumstances. Our present study allowed us to make a number of conclusions based on the analysis of criminal law, as well as judicial acts concerning the issue of committing murder under aggravating circumstances. The analysis of these documents allowed us to highlight the most significant problems, which most often occur in the practical plane of law enforcement activity, and to draw separate relevant conclusions. The question of assignment of punishment and necessity of taking into account all qualifying signs according to the

following principle was taken into account: the more qualifying signs in accusation, the closer the size, term of appointed punishment should aspire to the upper limit of punishment. In addition, when assigning punishment, it is necessary to take into account the nature of public danger of the committed crime, which is predetermined also by the number of imputed qualifying signs. Summarizing, we conclude that the degree of influence on the size or term of punishment for the qualifying sign is higher in comparison with an aggravating circumstance.

Ключевые слова: убийство; обстоятельства, отягчающие уголовное наказание; квалифицирующие признаки; жизнь человека.

Key words: murder; circumstances aggravating criminal punishment; qualifying signs; human life.

Введение

В первом разделе главы 1 статьи 2 Конституции Российской Федерации провозглашено: Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Кроме того, признание, соблюдение и защита прав и свобод человека – обязанность государства [1]. В статье 20 Конституции Российской Федерации также указано, что каждый имеет право на жизнь. Для правовой охраны перечисленных благ нормы уголовного права играют важнейшую роль в выполнении данной функции.

Уголовный кодекс в Российской Федерации (далее – УК РФ) является основным и единственным источником уголовного права и рассматривает преступления против жизни в статьях 105–110.2 указанного кодекса. Основные права человека неотчуждаемы и принадлежат ему с рождения. Никто не вправе лишить человека права на жизнь [2]. Жизнь человека – это процесс его физического существования как биологического объекта.

Жизнь человека является самым ценным благом, которое дается ему от рождения, поэтому и средства его обеспечения должны быть наиболее весомыми. Таковыми являются уголовно-правовые средства защиты.

Важнейшим способом обеспечения права человека на жизнь в рамках уголовного права относится правильная квалификация содеянного и назначение справедливого наказания виновному [5]. В рамках данного исследования остановимся на некоторых проблемах, возникающих при квалификации убийства с отягчающими обстоятельствами.

Так, уголовная ответственность за убийство предусмотрена входящими в раздел VII главы 16 УК РФ 1996 г. ст. 105–108. Убийство виновным нескольких лиц является квалифицирующим признаком и по этой причине предусмотрено ч. 2 ст. 105 УК РФ, в которой размещены отягчающие наказание за данное преступление обстоятельства.

Следует обратить внимание на то, что ч. 2 ст. 105 за время действия в УК РФ претерпела существенные изменения как в части ранее имеющихся формулировок, так и ввиду включения новых квалифицирующих признаков и исключения некоторых присутствующих ранее [7].

Кроме того, значительные изменения претерпели и некоторые ранее применявшиеся правоприменительные подходы, которые закреплены в действующих разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. №1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (далее - Постановление Пленума Верховного Суда РФ №1) [3].

Научно-практический анализ применения п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ также показывает, что подобные изменения не обошли стороной и рассматриваемый в статье квалифицирующий признак.

В УК РФ рассматриваемые преступления закреплены в ч. 2 ст. 105 и отграничены от основного состава убийства.

Вопросы касающиеся убийства при отягчающих обстоятельствах в уголовно-правовой науке всегда вызывали бурную дискуссию как среди ученых, так и среди практиков. В настоящее время процесс реализации уголовно-правовых норм, регулирующих применение отягчающих уголовное наказание обстоятельств, имеет сложный, многогранный характер. Сложность и многогранность выражается, собственно, в том, что помимо указания в нормах

Общей части УК РФ отягчающие обстоятельства закреплены в отдельных составах Особенной части УК РФ.

Убийство при отягчающих обстоятельствах – это наиболее опасный вид убийства. УК РФ к числу отягчающих обстоятельств относит, в частности, такие которые существенным образом увеличивают общественную опасность данного преступления и лица, его совершившего.

Первый признак предусмотрен п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а именно: «убийство двух или более лиц». Закрепленное в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ обстоятельство представляет собой еще более повышенную общественную опасность, поскольку лишаются жизни как минимум два человека.

В уголовно-правовой теории обстоятельства, закрепленные в ч. 2 ст. 105 УК РФ подразделяют на группы в зависимости от тех или иных оснований. В большинстве случаев квалификация определяется путем соотношения признаков с элементами состава преступления.

Такое уточнение используется законодателем для более точной дифференциации уголовно-правового воздействия и тождественной квалификации совершенного преступления. В некоторых случаях законодатель применяет смягчающие обстоятельства в конкретных составах преступления как обязательный признак.

Определенные проблемы могут возникнуть в связи с оценкой смягчающих и отягчающих наказание обстоятельств, характеризующих субъективную сторону состава преступления.

В частности, по нашему мнению, особое внимание следует уделить вопросам субъективной стороны института смягчающих и отягчающих уголовное наказание обстоятельств как самостоятельного элемента состава преступления, так и с позиций формы вины.

Наше внимание к исследованию влияния указанных обстоятельств на субъективную сторону вызвано, в том числе, и проблемами квалификации преступления по субъективной стороне, которые возникают в связи со

сложностями доказывания признаков этого состава преступления в конкретном уголовном деле.

При наличии одного или нескольких обстоятельств, предусмотренных ч. 1 ст. 63 УК РФ, суд обязан усилить наказание виновному в пределах санкции. Перечень отягчающих наказание обстоятельств является исчерпывающим и расширительному толкованию не подлежит, а их установление имеет существенное значение для правильного решения вопроса об индивидуализации наказания.

В доктрине уголовного права имеются исследования о том, как при назначении наказания должны учитываться квалифицирующие признаки и обстоятельства, отягчающие уголовное наказание, существуют предложения по конкретизации шага при определении срока или размера наказания в зависимости от количества квалифицирующих признаков или отягчающих наказание обстоятельств [10].

Уголовный закон на обозначенные темы при регламентации правил назначения уголовного наказания в большинстве случаев прямых ответов не дает.

При назначении уголовного наказания суд должен учитывать характер и степень общественной опасности совершенного преступления, оценка которого уже отражена законодателем при конструировании санкций в отношении как основных, так и квалифицирующих составов преступлений [8].

В уголовном законе обстоятельства, отягчающие уголовное наказание, не ранжированы по характеру и степени общественной опасности. Исключением является рецидив, при котором наказание не может быть менее одной третьей части максимального срока наиболее строгого вида наказания (ч. 2 ст. 68 Уголовного кодекса Российской Федерации).

Квалифицирующие признаки, в отличие от обстоятельств, отягчающих наказание, законодателем по характеру и степени общественной опасности оцениваются, дифференцируются, ранжируются при конструировании разных частей конкретной статьи Особенной части УК РФ [6].

Предполагается, что законотворческая деятельность осуществляется по следующему правилу. Если законодатель пришел к выводу о необходимости дополнения основного состава преступления квалифицирующим составом, значит [8]:

1) соответствующий признак отягчающего состава существенно повышает характер и степень общественной опасности основного состава преступления;

2) санкция квалифицирующего состава преступления по срокам, размерам и видам уголовных наказаний должна быть строже санкции основного состава преступления.

Если анализируемый признак не увеличивает существенно характер и степень общественной опасности совершенного преступления, то он может быть закреплён среди обстоятельств, отягчающих уголовное наказание. В этом случае он также будет учитываться судом при назначении наказания, но его влияние на наказание по сравнению со статусом квалифицирующего признака является менее жестким и репрессивным [9].

Представляется, что в случаях, когда при изменении приговора меняется количество квалифицирующих признаков, а также отягчающих наказание обстоятельств, суды должны учитывать, что степень общественной опасности обстоятельства, предусмотренного квалифицирующим признаком, более высока, и, соответственно, его влияние на размер или срок наказания должно быть более существенным [5].

Рассмотрим в качестве примера следующее судебное решение. Так, Г. и Л. были осуждены за совершение преступления, предусмотренного п. п. «а», «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ. Г. было назначено два года лишения свободы, условно с испытательным сроком два года и три месяца; Л. – один год и шесть месяцев лишения свободы. В апелляционном порядке приговор был изменен: исключено осуждение Г. и Л. за грабеж по квалифицирующему признаку «по предварительному сговору группой лиц». В силу п. «в» ч. 1 ст. 63 УК РФ признано отягчающим наказание обстоятельством в части их осуждения за грабеж совершение преступления в составе группы лиц. В остальной части

приговор оставлен без изменения. Приговор был обжалован в кассационном порядке. В кассационной жалобе обращено внимание на то, что суд апелляционной инстанции внес в приговор изменения, однако размер наказания не снизил. Судебная коллегия по уголовным делам кассационные жалобы оставила без удовлетворения, аргументируя: изменения, внесенные в приговор судом апелляционной инстанции при наличии к тому процессуальной возможности, положение осужденных фактически не улучшили, в связи с чем оснований для смягчения назначенного им наказания обоснованно не усмотрено [4].

Исключение из обвинения квалифицирующего признака, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 161 УК РФ, не трансформировало возможности суда для оставления без изменения ранее назначенного срока наказания. Учитывая, что в обвинении остались квалифицирующие признаки ч. 2 ст. 161 УК РФ, соответственно, нижние и верхние границы выбранного вида наказания остались прежними.

Заключение

Таким образом, проведенное настоящее исследование позволяет сделать нам ряд выводов, исходя из анализа уголовного закона, а также судебных актов касающиеся вопрос совершения убийства при отягчающих обстоятельствах.

Во-первых, при назначении наказания должны учитываться все квалифицирующие признаки по следующему принципу: чем больше в обвинении имеется квалифицирующих признаков, тем ближе размер, срок назначенного наказания должны стремиться к верхней границе наказания.

Во-вторых, при назначении наказания учитывается характер общественной опасности совершенного преступления, который предопределяется также и количеством вмененных квалифицирующих признаков.

В-третьих, степень влияния на размер или срок наказания у квалифицирующего признака более высокая по сравнению с отягчающим наказанием обстоятельством.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс»
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»;
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 N 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС «КонсультантПлюс»;
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 4 августа 2020 г. №77–1323/2020 // СПС «КонсультантПлюс»;
5. Андреев В.Л., Соловьев В.С. Об отдельных изменениях, внесенных в уголовное законодательство // Вестник КРУ МВД России. 2021. №2 (52). С. 16;
6. Гарбатович Д.А. О степени влияния на назначение наказания квалифицирующих признаков и обстоятельств, отягчающих уголовное наказание // Российский судья. 2021. N 2. С. 31.
7. Горбунова Л.В. Обстоятельства, отягчающие наказание. Их значение и соотношение с квалифицирующими признаками // Марийский юридический вестник. 2015. №2 (13). С. 46;
8. Долгополов К.А. Отягчающие обстоятельства как средство дифференциации уголовной ответственности // Legal Concept. 2018. №2. С. 148;
9. Кузнецов А.П. Обстоятельства, отягчающие наказание // Пенитенциарная наука. 2019. №2. 153–160;
10. Лесная Е.В. О некоторых отягчающих обстоятельствах, характеризующих преступное деяние // E-Scio. 2021. №3 (54). С. 392;

11. Тихонов В.И. Отягчающие и смягчающие наказание обстоятельства, характеризующие субъективные признаки преступного поведения // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2019. №5. С. 685.

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ НАКАЗАНИЙ ЗА
НЕЗАКОННУЮ БАНКОВСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

Полонкоева Фердоус Яхмевна

*Кандидат экономических наук, доцент кафедры цифровой и отраслевой
экономики Ингушский государственный Университет E-mail:
polonkoeva.faya@mail.ru*

Мужухоева Хяди Вахаевна

*Студентка магистратуры 2-го курса юридического факультета
Ингушский государственный Университет
polonkoeva.faya@mail.ru*

ACTIVITY OF LAWYERS IN THE ECONOMY

Ferdous Y. Polonkoeva

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of
Digital and Industrial Economics Ingush State University E-mail:
polonkoeva.faya@mail.ru

Khadi V. Muzhukhoeva

2nd year graduate student of the Faculty of Law
Ingush State University

АННОТАЦИЯ

В последние годы увеличилось количество преступлений, предусмотренных статьей 172 Уголовного кодекса, с участием граждан, оказывающих посреднические услуги клиентам, в том числе лиц, не являющихся прямыми сторонами договора с банком. Эта практика кажется спорной, поскольку невиновные люди могут быть привлечены к ответственности, если допущена ошибка в признании деяния. Автор попытался выявить существующие проблемы с применением санкций по статье 172 Уголовного кодекса.

Анализ существующей судебной практики показывает, что следственные органы иногда квалифицируют поведение человека как незаконную банковскую деятельность, то есть как уголовное преступление по статье 172 Уголовного кодекса, даже если его преступность вызывает сомнения. Такая спешка с признанием правонарушения во многом объясняется тем, что следственные органы не всегда хорошо понимают, какие сложные финансовые преступления влекут за собой.

Отсутствие уголовного законодательства, четких и однозначных определений, комментариев и правил часто приводит к бегству капитала за границу. Считается даже, что использование офшорных юрисдикций возникло как реакция на недостатки российской правовой системы.

В этом контексте кажется важным понимать разницу между преступной и законной банковской деятельностью, и транзакциями, чтобы избежать судебного преследования невиновных граждан.

ABSTRACT

In recent years, the number of crimes under article 172 of the Criminal Code has increased with the participation of citizens providing intermediary services to clients, including persons who are not direct parties to the contract with the bank. This practice seems controversial, since innocent people can be held accountable if a mistake is made in recognizing an act. The author tried to identify existing problems with the application of sanctions under article 172 of the Criminal Code.

An analysis of existing judicial practice shows that investigative authorities sometimes classify a person's behavior as illegal banking activity, that is, as a criminal offense under article 172 of the Criminal Code, even if its criminality is questionable. Such a rush to admit an offense is largely due to the fact that investigative authorities do not always understand well what complex financial crimes entail. The absence of criminal legislation, clear and unambiguous definitions, comments and rules often leads to capital flight abroad. It is even believed that the use of offshore jurisdictions arose as a reaction to the shortcomings of the Russian legal system. In this context, it seems important to understand the difference between criminal and legitimate banking activities and transactions in order to avoid prosecution of innocent citizens.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность; банковские операции; открытие и ведение банковских счетов; уголовная ответственность; состав преступления, ущерб, общественные отношения, предпринимательская деятельность, транзакции, правонарушения.

Keywords: illegal banking activity; banking operations; opening and maintaining bank accounts; criminal liability; corpus delicti, damage, public relations, business activity, transactions, offenses.

Правонарушение незаконной банковской деятельности по определению ст. 172 УК РФ уместно отнести к конкретному правонарушению по сравнению с правонарушением по ст. 171 УК («незаконная предпринимательская деятельность») [3]. В рыночной экономике банковская деятельность занимает особое место как вид предпринимательской деятельности. По мнению экспертов, банковское дело лежит в основе экономической жизни и отвечает интересам практически всех участников общества [4].

Таким образом, незаконная деятельность в этой сфере может нанести большой ущерб общественным отношениям, охраняемым уголовным законодательством. Отделение этого преступления от общей численности

населения объясняется тем особенным значением, которое государство придает защите общественных отношений этой группы.

Согласно действующей редакции статьи 172 УК РФ незаконная банковская деятельность является уголовным преступлением. Отсутствие достаточно четкой формулировки признаков анализируемой структуры из-за отсутствия единого правоохранительного и судебного подхода к понятиям, используемым в Кодексе, вызывает определенные трудности в признании состава преступления [5]

В этом случае взаимосвязь между такими понятиями, как «кредитное учреждение» и «банк», «банковская операция» и «банковский бизнес», «деловая активность» и «банковская деятельность» является одной из многих проблем. Анализируя содержание данной нормы, эксперты отмечают, что данное правонарушение наносит ущерб не только установленному порядку банковской деятельности, но и законным интересам граждан, организаций и государства в целом [3].

Объективный аспект данного правонарушения проявляется в поведении, то есть в том, что кредитные организации осуществляют банковскую деятельность (банковскую деятельность) без регистрации или специального разрешения (лицензии), если такое разрешение требуется. Предпосылкой для привлечения к ответственности является то, что эти действия причиняют большой вред гражданам, организациям или государству, или что преступник получает большой доход (статья 172 Уголовного кодекса).

Законодатель использует термин «банковская деятельность», но не определяет, что он означает. Такой законодательный подход может привести к отождествлению с понятием «банковский бизнес», но, как отмечают эксперты, между этими понятиями есть существенные различия [5]. Набор банковских операций трансформируется в банковскую деятельность, если он характеризуется последовательностью, постоянством, продолжительностью, всеми операциями по получению прибыли или выполнением определенной

общественной функции. Разграничение этих понятий важно и для признания правонарушения [6].

Однако если переосмыслить определения понятий «банковский бизнес», «банковская операция» и «банковская деятельность» в доктрине банковского права [7] и выявляет их характерные особенности и различия, такая ясность пока не наблюдается на уровне федерального закона.

Отсутствие четкого законодательного определения, необходимость понимать оценку уголовного права и более глубокое содержание деяния, а также двусмысленность во взаимосвязи между соответствующими понятиями значительно затрудняют оценку объективных аспектов соответствующих правонарушений и квалифицировать неуголовные деяния как уголовные преступления. Мы обосновываем этот вывод, анализируя три основные банковские операции с безналичными средствами с точки зрения банка, клиента и физического лица - посредника.

По мнению автора, наиболее распространенной ошибкой в определении содержания объективного аспекта правонарушения применительно к различным банковским операциям является правонарушение лица, которое выступает в качестве посредника при открытии банковского счета. В данном случае нельзя говорить о составе преступления, поскольку посредник физически лишен возможности проведения банковских операций. Например, граждане не могут открывать собственные платежные счета, поскольку в соответствии с банковскими правилами корреспондентские счета могут открываться только в кредитных учреждениях.

Открытие счета в банке - одно из основных направлений банковской деятельности, связанное со средствами клиентов. Понятие «счет» в системе гражданского права рассматривается только с точки зрения договора о банковском счете, и его толкование связано с правовой неопределенностью. В частности, согласно части 1 статьи 846 Гражданского кодекса Российской Федерации, банковский счет открывается клиенту или лицу, назначенному клиентом, на условиях, согласованных сторонами, только после заключения

соответствующее соглашение о счете. В этом случае открытие счета - одна из основных задач банка [8].

Если клиент не предоставляет необходимые документы или если есть юридические причины для отказа в открытии счета, это может быть препятствием для открытия счета. Следовательно, кредитное учреждение обязано открыть банковский счет, а клиент, как пассивная сторона, имеет право открыть счет в банке и отдать банку распоряжение об исполнении распоряжения по счету.

Открытие счета в качестве банковской услуги, требующей специальной лицензии Национального банка России, имеет следующие особенности:

- для открытия счета требуется договор с банком.
- открытие счета влечет за собой подготовку отдельного баланса и включение его в бухгалтерскую книгу, присвоение счету отдельного номера и уведомление об открытии счета в налоговый орган.
- открытие банковского счета зависит от технических возможностей банка выполнять операции, включающие учет средств клиентов, перевод средств третьим сторонам и предоставление кредитов клиентам.

Таким образом, открытие счета в качестве банковской операции является актом банка, вытекающим из договора между сторонами, и должно пониматься как вытекающее из необходимости ведения отдельных счетов и использования технических средств, необходимых для проведения банковских операций на этих счетах. Счет. Это характеризует процесс открытия счета с точки зрения банка. Для клиента открытие счета означает отправку в банк соответствующей формы заявки и документов, запрошенных банком, а затем предоставление банку инструкций о том, как обрабатывать средства, внесенные на счет. В отличие от банков, которым для открытия счета требуется лицензия Национального банка России, вам она не нужна.

По словам известного российского эксперта С.П. Карчевского, услуга банковского счета включает в себя «точное и своевременное выполнение задач, связанных со счетом, информирование клиента о состоянии и работе счета,

внесение денег на счет, сбор комиссии за платежные услуги, предусматривающие проценты за использование денежных средств на счете, если это предусмотрено договором банковского счета». Банк несет ответственность за выполнение различных действий, связанных с обслуживанием счета клиента в любой момент времени, включая «сбор сборов за платежные услуги и предоставление процентов за использование средств, хранящихся на счете», если это так, предусмотрено в договоре банковского счета [6].

В зависимости от требований законодательства и договоренности сторон расчет может принимать три формы: во-первых, наличный расчет (наличный расчет); во-вторых, безналичный, включая электронные деньги (безналичный расчет); в-третьих, зачет встречных требований» [10].

Самый распространенный метод расчетов - безналичный расчет. Согласно литературным источникам, «заключая договор банковского счета, банк обязуется заранее произвести расчет по счету клиента в любой форме, предусмотренной законодательством» [8]. В то же время «обязанность банка по надлежащему выполнению расчетных операций от имени своих клиентов не ограничивается своевременным снятием средств со счета клиента». По договору банковского счета банк предоставляет клиенту полный спектр банковских услуг, которые он может предоставить клиенту (расчет, финансирование, биржевые операции и т. д.) [8].

Согласно статье 5 Федерального закона № 395-1 от 2 декабря 1990 г. о банках и банковских услугах, банковские услуги включают открытие счетов, ведение счетов и перевод денежных средств. По закону и на практике это могут делать только кредитные организации, имеющие универсальную или базовую лицензию, выданную Национальным банком России.

Таким образом, целевым аспектом уголовного преступления по статье 172 Уголовного кодекса является осуществление банковских операций лицами, не имеющими соответствующей лицензии мегарегулятора. Так обстоит дело, например, когда банк, имеющий рублевую лицензию, осуществляет операции с

иностранной валютой, то есть операции, для которых требуется другая лицензия (авторизация). В то же время физические или юридические лица, не являющиеся кредитными учреждениями, технически, организационно или финансово не могут осуществлять банковскую деятельность, такую как открытие банковских счетов или осуществление платежей.

Причина в том, что такие лица не могут быть интегрированы в платежную сеть Национального банка России для переводов и других операций и не могут открывать корреспондентские счета, для чего потребовалось бы непропорционально большое количество соответствующей документации. Более того, такие лица не имеют достаточных технических возможностей для осуществления этой деятельности и могут действовать только в качестве посредников при открытии банковских счетов в кредитных учреждениях от имени других физических или юридических лиц.

Это поднимает вопрос о степени контроля над платежными операциями, который, вероятно, будет спорным. Правовой подход к проблеме в академическом контексте иной. Довольно популярная юридическая точка зрения состоит в том, что банки не обязаны получать информацию о правовой основе платежа, а бенефициары не обязаны заботиться о юридической действительности обеспечительного интереса [3]. Другие авторы выступали за реформу надзора за платежными учреждениями, участвующими в платежных операциях [4]. Ведущие ученые теперь признают свободное движение капитала равным другим экономическим свободам [5].

Согласно примечанию к части 2 статьи 170 Уголовного кодекса серьезным считается ущерб, превышающий 2,25 миллиона рублей. Об особо крупных суммах законодатель почему-то говорит только с точки зрения доходов. Это может вызвать некоторую путаницу. Мы не видим логики законодателя в наложении более строгих наказаний за незаконную банковскую деятельность, связанную с получением особо крупных доходов (статья 172, часть 2, пункт б), но не за деятельность, причиняющую особо крупные убытки. Среди квалификаций представляется целесообразным включить особо вредную

характеристику [2]. В этом случае представляется целесообразным включить в размер ущерба также средства, которые правонарушитель должен был заплатить за регистрацию и выдачу лицензии [1].

Субъективный аспект преступления характеризуется, с точки зрения многих ученых, преступностью в форме умысла, включающей в себя то, что лицо виновно в незаконности осуществляемой банковской деятельности [6]. Однако вопрос этот непростой: Н. А. Лопашенко справедливо отмечает, что такой подход доминирует при оценке субъективной стороны преступления в сфере экономической деятельности [8].

Подводя итог, отметим, что основной причиной трудностей с квалификацией справки по статье 172 УК РФ является отсутствие четкой законодательной концепции и категорий. С другой стороны, цена ошибки в этом случае слишком высока, поскольку лицо, которое не может быть субъектом преступления, привлекается к уголовной ответственности.

Список литературы

1. Бажанов С.В. Уголовно-правовая характеристика незаконной банковской деятельности / С.В. Бажанов // Российская юстиция. — 2017. — № 9. — С. 21-23.
2. Банковское право / отв. ред. Д.Г. Алексеева, С.В. Пыхтин. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Юрайт, 2018. — 410 с.
3. Барков А.В. К вопросу о правовой квалификации незаконной банковской деятельности ломбарда: объект и предмет преступления / А.В. Барков, А.В. Волков // Банковское право. — 2021. — № 1. — С. 38-43.
4. Воеводина А.И. Проблемы квалификации незаконной банковской деятельности / А.И. Воеводина // Безопасность бизнеса. — 2020. — № 3. — С. 32-35.
5. Ефимова Л.Г. Договор о выдаче и использовании банковской карты и договор эквайринга в системе договоров об организации безналичных расчетов / Л.Г. Ефимова. — Москва: Проспект, 2017. — 232 с.

6. Карчевский С.П. Банковские счета. Законодательство и практика / С.П. Карчевский. — Москва: КноРус, 2020. — 280 с.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев. — Москва: Проспект, 2018. — 1376 с.
8. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: теоретический и прикладной анализ. В 2 ч. Ч. 1 / Н.А. Лопашенко. — Москва: Юрлитинформ, 2015. — 336 с.
9. Мильчихина Е.В. Уголовно-правовой и криминологический анализ незаконной банковской деятельности: авто-реф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Е.В. Мильчихина. — Екатеринбург, 2010. — 28 с.
10. Михайловский М.М. Уголовная ответственность за незаконную банковскую деятельность / М.М. Михайловский // Административное право. — 2020. — № 2. — С. 59-67.
11. Сарбаш С.В. Договор банковского счета: проблемы доктрины и судебная практика / С.В. Сарбаш. — Москва: Статут, 2019. — 269 с.

УДК 34.096

ГРНТИ 10.17.47

**ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В РОССИИ И ЗА РУБЕЖОМ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

*Герасименко Анастасия Аркадьевна,
Магистр 3 курса Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
Россия, г. Владивосток,
E-mail: gerasimenko_anastasiia94@mail.ru,*

*Научный руководитель:
Иванов Александр Михайлович
канд. юрид. наук, доцент кафедры теории и истории
государства и права Юридической школы
Дальневосточного федерального университета,
г. Владивосток
E-mail: Ami_25.07@bk.ru*

**THE HISTORY OF THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE
INSTITUTE OF PUBLIC PROCUREMENT IN RUSSIA AND ABROAD:
COMPARATIVE LEGAL ASPECT**

*Anastassiya A. Gerasimenko
3rd year master's student of the Law School
of the Far Eastern Federal University
Russia, Vladivostok*

Aleksandr M. Ivanov

*Dr. of Law, Associate Professor
of the Chair of Theory & History of State and Law,
Law School of FEFU,
Russia, Vladivostok*

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется история формирования и развития института государственных закупок в группе стран романо-германской и англо-саксонской правовой семьи – России и Германии, США и Великобритании с целью выявления отправной точки развития исследуемого института, особенностей и схожих черт его становления. Объектом исследования в настоящей работе выступают общественные отношения в сфере государственных закупок. Предметом – правовые памятники, действующее законодательство, регулирующее институт закупок, а также научные исследования в данной области. Новизна настоящего исследования состоит в выявлении общих и особенных черт развития института закупок в странах разных правовых семей.

ABSTRACT

This article examines the history of the formation and development of the institute of public procurement in the group of countries of the Romano-German and Anglo-Saxon legal family - Russia and Germany, as well as the United States and Great Britain in order to identify the starting point of the development of the institution under the study, the features and similarities of its formation. The object of research in this paper is public relations in the field of public procurement. The subject is legal texts, the current legislation regulating the institute of procurement, as well as scientific researches in this area. The novelty of this study is in the identification of common and special features of the development of the institute of procurement in countries of different legal families.

Ключевые слова: история; государственные закупки; конкуренция; контракт; подряд; услуги; товары; конкурс; аукцион.

Keywords: history; public procurement; competition; contract; contract; services; goods; tender; auction.

Введение

Развитие внутренней экономики в первую очередь направлено на жизнеобеспечение и благосостояние общества. Без надлежащего учета и контроля развития экономики со стороны государства достижение этой цели представляется весьма сомнительным. Напротив, государство обязано знать основные нужды населения, его численность, тогда его деятельность по удовлетворению потребностей общества будет эффективной. Одной из составляющих этой государственной деятельности являются закупки товаров, работ и услуг для обеспечения нужд, как государственных, так и муниципальных [10]. Разглагольствования по поводу невмешательства государства в развитие экономики ведут к подрыву доверия государству, способствуют выстраиванию экономической модели, которая заведомо неспособна решить насущные проблемы общества. Между тем, правительства стран всего мира всегда стремились решить задачу по совершенствованию системы закупок, как с точки зрения правовой формы, так и с позиций практической применимости. Думаем, что даже краткий ретроспективный анализ развития института государственных закупок позволит убедиться в заявленном тезисе.

РОССИЯ

Институт государственных закупок, как в России, так и в зарубежных странах имеет многовековую историю формирования и развития. Момент зарождения данного института в России большинство ученых связывают с принятием указа царя Алексея Михайловича Романова от 07.07.1654 г. «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей», содержащего положение о фиксированной цене на ржаную муку и сухари, а также о запрете

взимания пошлин за указанную продукцию. Данный указ можно расценивать как инициативу царя вступить в диалог с поставщиками на рациональной и экономически выгодной основе.

Системный характер нормативное регулирование отношений в сфере государственного заказа приобретает во времена правления сына Алексея Михайловича, Петра I. Именно к этому периоду ученые относят появление первых публичных конкурсов, открытых торгов, иных институтов в сфере государственных закупок. В 1714 году был принят Указ «О вызове подрядчиков для делания пороха», признанный одним из значимых правовых актов того времени в связи с тем, что в нем заложены основные принципы осуществления закупок (публичность, открытость), установлен способ осуществления закупок [13]. На следующий год, в 1715 году, создается подотчетная Сенату Канцелярия подрядных дел, в основу ведения которой входило курирование вопросов продаж и поставок для государственных нужд. В указанный период преобладающая часть принимаемых правовых актов в сфере государственных закупок связана с нуждами армии и флота.

В 1722 году принимается «Регламент об управлении Адмиралтейства и верфи и о должностях коллегии адмиралтейской и прочих всех чинов при Адмиралтействе обретающихся», в котором были закреплены основные процедурные моменты проведения торгов – необходимость подготовки и размещения в открытом доступе объявления о закупке, отражении в нем информации о предмете закупки, времени начала и окончании подачи заявок, месте проведения торгов. Победителем считался участник, предложивший наименьшую цену, «верный, надежный», имевший поручительство [8]. Также Регламент 1722 г. закрепил традицию, именуемую «сидение при свечах», состоявшую в зажигании «суточной» свечи после утверждения конечной цены, во время горения которой поставщик/подрядчик мог внести свое предложение о снижении цены (в таком случае заказ отдавался ему). Как только свеча догорала, изменить цену было невозможно.

Правовым актом Екатерины II «Учреждение о губерниях», от 1775 года, на губернатора была возложена обязанность по осуществлению закупок у лиц, чье производство располагалось в данной местности. Основной целью установления являлось уменьшение затрат по перевозу товаров, а также содействие развитию производства на местах.

На отдельные лоты заказ начали делить во времена правления Александра I. При Николае II на местах закупки были урегулированным до него актом 1830 года, именованным «Лист для торга», а также Положением о подрядах и поставках 1900 г. Именно в данный момент произошло выделение способов закупок – торги изустные; посредством объявлений; смешанные [8].

Новый виток развития государственных закупок произошел после революции 1917 года, когда в стране начался процесс формирования административно-командной экономики, что предполагало закупку всего необходимого для государственных нужд по предварительному плану и установленной схеме. В данной системе конкуренции не предусматривалось, в связи с чем развитие сложившейся в дореволюционной России системы государственных закупок было приостановлено.

Очевидно, что советская власть не могла сразу же перейти к плановой экономике, этот процесс осуществлялся постепенно – с 1917 по 1931 годы конкурсные взаимоотношения между государством и поставщиком еще сохранялись, однако, начиная с 1932 года, конкурс был отменен. Дальнейший переход к плановой экономике способствовал тому, что все принятые после 1927 года правовые акты в сфере государственного заказа регулировали отношения между государством и государственными предприятиями и учреждениями.

Можно сказать, что вплоть до развала СССР существование контрактной системы было «прекращено», и только в 1992 году, в связи с изменившимися экономическими и политическими условиями, начался новый виток развития законодательства о государственных и муниципальных закупках. Возникла необходимость в создании всеобъемлющей правовой регламентации формирующихся экономических отношений.

Очевидно, что создание идеального правопорядка в сфере закупок для государственных и муниципальных нужд в один момент не представляется возможным. В связи с этим современная законодательная база в сфере государственных и муниципальных закупок формировалась постепенно, методом «проб и ошибок». Первым в постсоветский период нормативно-правовым актом, регулирующим сферу федеральных закупок, стал Закон от 28.05.1992 № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд» (далее – Закон № 2859-1) [5]. Можно сказать, что это была первая, не самая удачная попытка законодателя урегулировать закупочную деятельность в Российской Федерации, указанный акт затрагивал исключительно федеральные закупки, не устанавливал механизм размещения заказов. В целях создания условий для реализации Закона № 2859-1 был принят Указ Президента РФ от 07.08.1992 № 826 «О мерах по формированию Федеральной контрактной системы»[4], в соответствии с которым были учреждены ОА «Росконтракт» и АО «Росхлебпродукт», в сферу деятельности которых входило обеспечение государственных закупок товаров общепромышленного применения и народного потребления, зерна, хлебопродуктов и продуктов зернопереработки. Позднее был принят ряд нормативно-правовых актов, регулирующих сферу государственных и муниципальных закупок, среди которых можно выделить два «конкурсных закона» – ФЗ от 13.12.1994 № 60-ФЗ «О поставках продукции для федеральных государственных нужд»[6] и ФЗ от 06.05.1999 № 97-ФЗ «О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд» [2]. Указанные законы закрепляли механизм размещения государственного заказа путем проведения конкурса, другие же способы лишь декларировались, но их регламентация отсутствовала.

В связи с разрозненностью законодательства Российской Федерации о государственном заказе, дублировании функций и обязанностей в различных нормативных актах, встал вопрос о необходимости создания единой системы закупок для государственных и муниципальных нужд, формирующейся с учетом исторического опыта правового регулирования закупок в России и передового

опыта зарубежных стран. Ответом на эту потребность стал Федеральный закон Российской Федерации от 21.07.2005 № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [7] (далее – Закон № 94-ФЗ). Данный федеральный закон установил единый порядок размещения заказа для государственных и муниципальных нужд, установил единые принципы и правила для федеральных, региональных и муниципальных закупок. Закон № 94-ФЗ нельзя назвать идеальным или же исчерпывающим, он постоянно совершенствовался, в дополнение к нему принимались различные постановления Правительства Российской Федерации и другие подзаконные акты. Тем не менее, это был отличный старт для формирования эффективной контрактной системы в Российской Федерации.

В 2013 году на смену Закону № 94-ФЗ пришел Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [3], в котором предпринята попытка обеспечить исчерпывающую детальную правовую регламентацию полного цикла закупок для государственных и муниципальных нужд.

США

Прообразом современной контрактной системы, сформированной в России, принято считать контрактную систему США. Однако и в данной стране исследуемый правовой институт претерпел несколько стадий развития. Их можно поделить на два периода – довоенный и послевоенный период. Главным посылom развития системы государственных закупок в США стали внутри- и внешнеполитические события военного характера. Война Севера и Юга 1861-1865 гг. требовала немало продукции для нужд армии, что, в свою очередь, побудило власти США к вмешательству в производственную сферу. В кризисные периоды в США активно применялась система закрытых торгов, прямого распределения заказов. Воздействие государства на производственный сектор повлекло как положительные, так и пагубные последствия для экономики

и системы государственного управления. При значительном ускорении поставок возрастал коррупционный элемент, снижалась эффективность закупок.

В послевоенный период развитие контрактной системы США пошло по более прогрессивному пути – оно было направлено на обеспечение равного доступа к государственному заказу. Таким образом, США удалось реализовать на практике принципы открытой конкуренции. В 1984 г. в США впервые был принят единый нормативно-правовой акт в сфере регулирования государственных закупок – «Правила закупок для федеральных нужд». С этого времени начало развиваться современное правовое регулирование государственного заказа. Все закупки законодатель США подразделяет на закупки для реализации государственных программ и закупки для функционирования государственного аппарата. Превалирующее значение для США имеет первый вид закупок [11].

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

Не менее интересен опыт в государственных закупках и у Великобритании. Впервые специализированный орган в данной сфере был создан в 1883 г. Государственные закупки изначально предполагались для обеспечения нужд «короны», нужд королевской династии.

В современном виде начало оформления контрактной системы в Великобритании было положено в 1984 г. с принятием Рекомендаций по конкурсным закупкам. Специализированным органом, по данному акту, явилась Центральная организация по закупкам, учрежденная в 1990 г. Чуть позднее в каждом департаменте Великобритании был создан отдел, отвечающий за осуществление государственных закупок [12].

Контрактную систему России, США и Великобритании роднит национальный характер, в то время как в странах Европы (Германия, Франция, Италия, Испания) ее регулирование носит наднациональный, во многом международный характер, так как в данных странах государственный заказ регулируется законодательством Европейского союза.

ГЕРМАНИЯ

В Германии контрактные отношения не выделяются в отдельную отрасль законодательства, а являют собой отдельный аспект антимонопольного законодательства. Регулируются данные отношения как специальными национальными нормативными правовыми актами, так и законодательством Европейского союза (далее – ЕС) [14].

Если в России началом развития института государственного заказа принято считать середину XVII в., то в Германии данный процесс был запущен несколько ранее – в первой половине XVI в., в ходе строительства военной крепости Ингольштадт, когда и была принята Инструкция, закрепившая положения о найме, о распределении между рабочими заказа на строительство по наиболее выгодной цене.

В XVII в. продолжило развиваться законодательство Германии в сфере государственного заказа на строительство – в 1617 г. был принят Строительный порядок двора Гамбургского. Письменная форма осуществления торгов, передача заказов только квалифицированным рабочим, плановый характер государственного заказа были закреплены в XVIII в. и в Прусском строительном регламенте.

Новый этап развития немецкого законодательства в сфере государственных закупок пришелся на конец XIX в. – начало XX в. К указанному периоду Германия уже была хорошо знакома с аукционами, конкурентным началом в торгах. Однако раздробленность земель породила множество рознящихся установлений, пришедших к единству лишь в 1912 г., когда был принят Закон о подрядах для государственных нужд, соединивший многие нормы. Новшеством же стали положения о порядке обжалования результатов торгов и самих работ.

В 1926 и 1936 гг. в Германии были приняты два закона в контрактной сфере, не утратившие актуальности до сегодняшнего дня – положения о торгах на проведение общественных работ и о торгах на поставку товаров [12]. Видим, что в Германии государственные закупки были подразделены на закупки услуг и закупки товаров, что несколько схоже с видовым подразделением закупок в

США – на закупки для реализации государственных программ и закупки для функционирования государственного аппарата.

Заключение

В данной работе обращено внимание на развитие национального правового регулирования государственных закупок в России, США, Великобритании и Германии. В дальнейших исследованиях надеемся уделить внимание наднациональному законодательству ЕС, играющему немалую роль в организации закупок Германии и других стран ЕС на современном этапе (например, Директива № 2014/24/ЕС о регулировании государственных закупок [13]). Российская Федерация, как участник Евразийского экономического сообщества в сфере закупок также подчиняется наднациональному законодательству, а именно нормам Приложения № 25 к Договору о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 г.[1].

Таким образом, в России, США, Великобритании и Германии выявляется своя, уникальная история формирования и развития института государственных закупок. Несмотря на то, что США из вышеприведенного перечня стран – это самая молодая страна, она считается прародителем современной системы государственного заказа, где впервые начал реализовываться принцип свободы и конкуренции торгов. Элементы контрактной системы во всех четырех странах начали складываться в феодальные времена. В Германии данная система изначально предназначалась для строительства, в США – для обеспечения нужд армии, в Великобритании – нужд «короны», а в России – продовольственных нужд народа. В современном виде в большинстве стран правовое закрепление институт государственных закупок получил в XX в., а в Российской Федерации – в XXI в. и продолжает оформляться по сей день. С учетом мировых глобализационных и интеграционных процессов институт государственных закупок в большинстве стран стал регулироваться не только национальным, но и международным законодательством, что говорит о его прогрессивном развитии, тенденциях следования основополагающим принципам – открытость, равноправие, справедливость, эффективность, свобода.

Список использованной литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014: [ред. от 01.08.2021] // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru. – 2015. – № 00012015011600.
2. О конкурсах на размещение заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных нужд: Федеральный закон от 6 мая 1999 г. № 97-ФЗ: принят Гос. Думой 7 апреля 1999 г.: одобрен Советом Федерации 22 апреля 1999 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1999. – № 19. – Ст. 2302.
3. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 5 апр. 2013 г. № 44-ФЗ: принят Гос. Думой 22 марта 2013 г.: одобрен Советом Федерации 27 марта 2013 г.: [ред. от 30 апр. 2021 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 14. – Ст. 1652.
4. О мерах по формированию Федеральной контрактной системы: указ Президента Рос. Федерации от 7 авг. 1992 г. № 826: [ред. от 21 июня 1994 г.] // Собрание актов Президента и Правительства РФ. – 1992. – № 6. – Ст. 321.
5. О поставках продукции и товаров для государственных нужд: закон Рос. Федерации от 28 мая 1992 г. № 2859-1: [утратил силу] – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.10.2021).
6. О поставках продукции для федеральных государственных нужд: Федеральный закон от 13 дек. 1994 г. № 60-ФЗ: принят Гос. Думой 10 ноября 1994 г.: одобрен Советом Федерации: [ред. от 13 июля 2015 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 34. – Ст. 3540.
7. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ: принят Гос. Думой 8 июля 2005 г.: одобрен Советом

Федерации 13 июля 2005 г.: [ред. от 2 июля 2013 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2005. – № 30 (ч. 1). – Ст. 3105.

8. Богачев, П.В. Очерк истории развития государственных закупок в России / П.В. Богачев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 5-2. – С. 21-24.

9. Валеева, А.С. Сравнительный анализ контрактных систем России и Германии / А.С. Валеева // Молодой ученый, 2021. – № 22 (364). – С. 281-283.

10. Герасименко, А.А., Иванов А.М. Отдельные аспекты правового регулирования государственных закупок в России и за рубежом / А.А. Герасименко, А.М. Иванов // Теология. Философия. Право. – 2020. – № 2 (14). – С. 56-97.

11. Коношенко, Л.В., Сураева, А.Ю. Зарубежный опыт организации государственных закупок / Л.В. Коношенко, А.Ю. Сураева // Экономика и управление: проблемы, тенденции, перспективы развития. – 2016. – С. 27-30.

12. Мубаракшина, Э.Р. Зарубежный опыт организации государственных закупок / Э.Р. Мубаракшина // Вестник науки и образования. – 2018. – № 16-1. – С. 69-73.

13. Мухамедьяров, И.Р. Становление и развитие института государственной контрактной системы в России / И.Р. Мухамедьяров // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. - № 1А. – С. 93-97.

14. Сафронов, О.А. Историко-правовой анализ развития системы государственных закупок в России и Германии / О.А. Сафронов // Вестник МГУУ. – 2014. – № 2. – С. 47-53.